Лёлька и Колдун

Автор:
Марта Алова

Лёлька и Колдун

Марта Юрьевна Алова

Сколько же несчастий может выпасть на долю одного человека? В раннем возрасте Алана осталась без матери, потеряла единственную, горячо любимую сестру-двойняшку и оказалась в полном одиночестве, в безраздельной власти жестокого и безжалостного отца-тирана. Единственное место, где ей удаётся хоть ненадолго укрыться и перевести дух – это мир грёз, фантазий, непостижимым образом всё больше и чаще напоминающих реальность. Но так ли безопасна эта выдуманная страна? Не станет ли вожделенный выход на свободу входом в другой, ещё более жуткий, кошмар?..

Марта Алова

Лёлька и Колдун

"Я считаю, что миф и воображение

представляют собой, по сути дела,

взаимозаменяемые понятия, и верю в то,

что источником и того и другого является вера.

Но вера во что?"

С. Кинг

Все герои вымышлены. Все совпадения случайны.

Пролог

Это было очень, очень странное место.

Странным здесь было все, даже тучи, низко свисающие над крышами. Они были не такие, как дома, но и не такие, как на Побережье. Унылые тучи грязно-желтого оттенка неприятно резали взгляд, поэтому Алана старалась не смотреть вверх.

Но и внизу не было ничего способного усладить взор. Пыльная дорога, по которой брела девушка, состояла сплошь из ям да колдобин. По обе стороны этой дороги сиротливо мостились убогие лачужки с низенькими полуразваленными заборчиками и покосившимися крышами. Окна большинства домов были заколочены, а на стенах некоторых из них светились непривычно яркими для общей серости красками, загадочные иероглифы. То ли с их помощью местные жители пытались отогнать от своих избушек злых духов, то ли ночами здесь промышляла какая-то секта.

За время пути ей повстречались несколько бродячих кошек, грязно-рыжий одноглазый пёс, и всего два человека: мужчина и женщина неопределенного возраста, сидящие на обшарпанной скамейке возле одного из домиков. Мужчина был одет в старое, поеденное молью черное пальто и шляпу. Его спутница выглядела наряднее: приоделась в давно нестиранную кофту с отложным воротником – сиреневую, в тон огромного фингала, красовавшегося под глазом. Женщина курила свернутую из газетной бумаги сигаретку.

Взгляды обоих не выражали абсолютно ничего, просто пустые глаза дебилов, но отчего-то, проходя мимо этой парочки, Алана неосознанно втянула голову в плечи. Никак не могла избавиться от мысли, что сейчас они набросятся на неё, скрутят и утащат в свою грязную, воняющую мочой и перегаром халупу, чтобы

там сотворить что-то ужасное. Возможно, она и перегибала, однако, миновав злополучную скамейку, вздохнула с облегчением. Оборачиваться не хотелось, но инстинкт самосохранения всё же заставил это сделать. Алана чуть повернула голову, и увидела, что местные провожают её взглядами. Женщина по-прежнему смолила цигарку. Мужчина беззвучно открывал и закрывал рот, будто произносил ей вслед неслышимые заклинания. Алана поежилась и прибавила скорости.

Она прошла еще несколько сотен шагов, прежде чем поняла, что идти по этой дороге можно бесконечно. Пейзаж по обеим сторонам не менялся – всё те же невзрачные развалюхи, все те же разномастные тощие коты с наглыми мордами. Собак же, помимо единственного первого встреченного ею пса, больше не попадалось. Вполне возможно, здесь их просто-напросто употребляли в пищу, подумала Алана. Вполне возможно… невольно вздрогнув при воспоминании о странной парочке, она прикинула: а какова вероятность того, что эти люди могли бы съесть не только собаку?..

И куда же ей теперь идти?

Алана нахмурилась, подняла руки и прижала пальцы к вискам.

Серый кот с ободранным ухом пересек дорогу прямо перед ее носом. Кот посмотрел на девушку, и Алана могла бы побиться об заклад, что животное ухмылялось. Она подавила в себе внезапно нахлынувшее желание отправить наглеца пинком через ближайший забор. Вряд ли в её положении стоило привлекать к себе излишнее внимание.

"О чем я думаю? Боже…"

Когда-то в детстве ей очень хотелось иметь котенка… а еще лучше щенка… ну, хоть кого-нибудь рядом, хоть одно живое существо, чтобы не чувствовать себя так одиноко, с тех пор, как…

******

– С тех пор, как Зот получил стринх, и пограничники начали хозяйничать в порталах, там стало небезопасно. Люди боятся перемещаться с их помощью. Никогда не знаешь, где тебя подкараулят.

– Стринх?

– Стринх, ага. По-другому говоря: документ, дающей этой падле право творить всё, что на душу взбредёт. И все старейшины его подписали.

Элла подобрала с земли ветку и, проходя мимо невысоких кустов с круглыми листочками, лупила по ним наотмашь. Из кустов выскакивали ярко-жёлтые птички похожие на небольших куриц с непропорционально короткими, будто нарисованными ребёнком, синими крылышками. Потревоженные "курицы" недовольно кудахтали, и принцесса, похоже, находила это очень забавным.

– Они залезают в твою голову, – Элла подняла руку и указательным пальцем постучала себе по виску. – Вот сюда. И ты ничего не можешь с ними сделать. Становишься, как кукла.

– Они парализуют сознание, – догадалась Алана. – Зомбируют?

Элла посмотрела на палку в своей руке.

– Ну, …ты очень умная. Наверное. Я не знаю. В моём мире нет таких слов.

– Разрешение на зомбирование людей… – задумчиво повторила Алана. – А что потом? Что пограничники делают с ними?

На лицо принцессы Побережья набежала тень.

– Пограничникам люди не нужны. Они всего лишь шавки Зота. А что делать с пойманными, решает твой приятель Морро.

Алана вздрогнула при воспоминании о чёрном незнакомце.

– Если у родственников попавшего к пограничникам есть деньги, они могут заплатить выкуп и забрать бедолагу домой. Но таких очень мало. Родные редко хотят возвращать их потому, что… потому что эти люди уже никогда не становятся такими, как прежде. Большинство остаётся в Зоттоне, и я уже не знаю, что там с ними делают. Не исключено, что они идут на корм боевой стае

клювардов.

– Элла, это шутка?

Элла хмыкнула.

– Какие уж тут шутки? Серьёзнее не бывает.

Алана проводила глазами очередную жёлтую "клушку", возмущенную беспардонным вмешательством в её личное пространство.

– А что значит "не становятся такими, как прежде"?

– У них только что закончились брачные игрища, – невпопад хохотнула Элла, проследив за её взглядом. – Отдыхают после спаривания. Обожаю смотреть, как они бегут враскоряку после того, как их хорошенько шуганёшь.

– Так что это означает? – напомнила о себе Алана.

Кусты становились выше и определенно гуще, но Элла не сбавляла темпа, и Алане не оставалось ничего другого, как тоже ускориться.

– Главное в этом деле – не нарваться на сам процесс, – поведала принцесса шёпотом. – А то самцы, понимаешь ли, та-а-ак больно клюются.

– Но Элла! Морро…

– Т-с-с-с! – Элла раздвинула ветки и заглянула внутрь бескрайних голубых зарослей. – Всё. Пришли.

Она притихла возле куста, и Алана, стоя рядом, тоже застыла без движения. Черных людей не было. Они ускакали дальше в Орахот или вернулись назад. Но спокойствия эта мысль не приносила, нехорошие предчувствия внезапно нахлынули с новой силой. Она уже видела сликов, танцующих вокруг темного проема, образовавшегося прямо посреди кустарника.

Похоже, перед ними и был тот самый Последний Портал.

Элла обернулась.

– Нам пора, – сказала она. – Осталось совсем немного. Скоро ты будешь дома, – она подумала немного и добавила, изящно выгнув левую бровь:

– Мы будем.

– Скажешь, куда мы идём? Куда на этот раз? – спросила Алана.

Элла как-то болезненно скривила в усмешке губы.

– Тебе понравится это местечко. Снейк-ап по сравнению с ним – просто райский сад с нимфами, пукающими фиалковым ароматом.

Алана смерила свою спутницу суровым взглядом. Дурные предчувствия усилились – Элла опять втягивает её в какую-то авантюру, можно даже не сомневаться. Но что прикажете делать, если она полностью зависима от этой сумасбродной девицы? Алана опустила голову, и непривычно рыжие волосы упали на лицо. Успеют ли они вернуть свой обычный цвет к тому моменту, когда её увидит начальница? Вряд ли Полине понравится произошедшая с её шевелюрой метаморфоза, ещё хуже она представляла себе, как будет доказывать, что всё это не есть результат химического окрашивания. Какие такие мандрики? Ты с ума сошла, девочка моя?

И к чему вообще была вся эта конспирация, если Элла сама же себя и выдала при первом подвернувшемся удобном случае? Алана вспомнила перепуганные глаза и трясущиеся губы второго Брата-Клоуна. Вот уж кто точно не мог похвастаться тем, что сегодня его день. И всё же, несмотря на все доставленные неприятности, она искренне надеялась, что бедняга пришёл в себя после произошедшего конфуза.

Алана посмотрела на Эллу и слегка удивилась, увидев, что та улыбается. Хотя, чему она удивлялась? Как любила говорить папина жена тётя Нюра: "Сделал гадость – на сердце радость". Правда, в Эллином случае всё-таки чаще бывало, не сделал, а сказал.

Однако на этот раз Алана ошиблась, и Элла радовалась вовсе не тому, что в очередной раз успешно сумела её напугать.

– Зато там есть кое-что очень-очень хорошее! – объявила принцесса и почему-то покраснела.

– Супермаркет с богатым выбором осиновых кольев? – брякнула Алана, пытаясь шуткой развеять неприятный холодок страха, который пробирался все глубже и глубже куда-то в живот. Получилось плохо, но Элла захихикала, показывая, что юмор она ценит, хотя вряд ли, конечно, ей было известно значение слова "супермаркет". Если только её красавчику – брату не доводилось прогуливаться там с тележкой.

– То есть, я хотела сказать, не "что-то", а "кто-то", – Элла неожиданно засмущалась. – Хорошее – это Акторус! – выпалила она, и вот тогда Алана удивилась по-настоящему – столько прозвучало в этих трёх коротких словах неприкрытой нежности и любви.

******

Итак, ей нужен был Акторус. Алана огляделась по сторонам. Где же искать этого таинственного мага? Никакого намека, никакого дорожного указателя со стрелочкой: "Акторус – туда" и подрисованной снизу заботливой рукой малолетнего хулигана рожицей с выпученными глазами и вываленным языком. Коты, наверное, знали адрес, но, к сожалению, это были всего лишь кошки, а не квазильвы. А люди, интересно, в этой Обители Зла имеются?

Память услужливо подсунула ей повстречавшуюся парочку на скамейке, но эту мысль Алана решительно отбросила. Нет уж, лучше она будет блуждать здесь до наступления темноты, чем вернется назад и начнет приставать с расспросами к мистеру Шляпе и его, кхм… супруге.

До наступления темноты?

Алана с тревогой посмотрела на желтые тучи. Который сейчас час? Трудно было сказать. Элла учила ее определять время по сонному цветку, но цветочные поляны на пути тоже как-то не попадались – одна только пожухшая пыльная трава.

Интересно, что происходит здесь ночью?

"Лучше тебе найти Акторуса до того, как ты это узнаешь, – откликнулся сердитый голос разума в её голове. – Торчать в этом месте после заката – так себе идея, знаешь ли".

В этом Алана с голосом сразу согласилась. Живописная парочка, возможно, и не была четой вампиров, коль уж сидела на улице средь бела дня – но желания новой встречи с ней это не прибавляло отнюдь. А ведь не стоило забывать и о других… вероятных обитателях этой деревеньки.

И именно в этот момент, как это часто бывает с людьми, обладающими даром вляпываться в разные неприятности ("Свинья везде грязь найдет", – помнится, любил говаривать папочка, глядя на свою непутевую дочь), Алана заметила еще одного человека, как ни в чём не бывало, шагающего ей навстречу. Приглядевшись, она поняла, что это мальчик, и вздохнула не без облегчения. Ребенок в любом, даже самом страшном месте, все-таки оставался ребенком и вряд ли мог предоставлять собой серьезную угрозу. Невысокий, на вид чуть помладше Павлика, мальчик был одет в серые, отвисшие на коленях штаны и большую, не по росту, темно-синюю толстовку с капюшоном, натянутым на самые глаза. Ногой парнишка подгонял впереди себя какой-то темный предмет. Сердце её сжалось при воспоминании о брате. Когда же они увидятся?

Мальчуган почти поравнялся с ней, и Алана, наконец, разглядела, что за штуковину он пинал серыми от налипшей грязи ботинками. Крыса. Огромная, грязно-бурого цвета, с длинным лысым хвостом. Мертвая и уже закоченевшая.

Фу, мерзость какая! А с другой стороны, чего она хотела? Чем в этом милом местечке мог еще играть маленький ребенок?

Да и деваться ей особо было некуда.

– Мальчик! – изо всех сил пытаясь не глядеть на скрюченное тельце животного, окликнула Алана паренька. Тот уже проходил мимо, будто её и не заметил. На секунду показалось, что он вот так и уйдёт, не оглянувшись, но внезапно мальчишка притормозил:

– Чего тебе?

Задрав голову, пацан недобро зыркнул на Алану из-под свисающего капюшона. Узкие черные глаза-щелочки, нос "картошкой" – ничего общего с большеглазым, светловолосым, улыбчивым Павликом. Из расцарапанной болячки под носом, сочилась жидкость, по виду очень напоминающая гной.

– Мальчик, – повторила она, и о чудо, местные боги (правда, Алана сильно сомневалась в том, что здесь могли водиться хоть какие-нибудь боги) смилостивились, и голос не выдал отвращения и страха, обуревавших его хозяйку. Во всяком случае, она на это надеялась. – Скажи мне… ты, случайно, не знаешь, где находится дом Акторуса?

Мальчишка осклабился, выставляя напоказ кривые полусгнившие зубы. Одного переднего не было.

– Конечно, знаю, – на удивление, вполне дружелюбно ответил он. – Кто ж его не знает в Низинах?

Низины, ага. Кажется, Элла озвучивала ей название этого райского уголка. А может, нет. А может, оно просто вылетело у неё из головы вместе со всем остальным, после того, как в неё, в эту голову, попыталось ворваться что-то ужасное, неподвластное пониманию.

Впрочем, об этом можно было подумать и позже.

– Отлично, – Алана позволила себе немного расслабиться. Немного, совсем чуть-чуть. – Ты же… покажешь мне его, правда, малыш?

"Малыш" запрокинул голову и радостно загоготал, как будто услышал очень смешную шутку. При этом он наступил на крысу и так сильно придавил её ногой, что казалось, из животного вот-вот полезут кишки. Алана отвернулась, отчаянно надеясь на то, что остатки мандриков успели перевариться и не выскочат из неё сейчас на эту трижды проклятую дорогу.

Отсмеявшись, маленький поганец высморкался пальцем и деловито объявил:

– Десять шелеков.

– А? – вид у нее, наверное, был дурацкий. Мальчишка ухмыльнулся:

– Десять шелеков. Я не занимаюсь благотворительностью.

Алана не стала утруждать голову размышлениями о том, откуда этому маленькому грязному выкидышу было вообще известно слово "благотворительность". На улице похолодало, подул колкий ветер, и время явно близилось к вечеру. Продолжать беседу с этим чудесным ребенком дальше не было никакого желания.

Как ни странно, деньги у неё имелись – ровно десять шелеков, оставшихся в кармане после игры в Шары и незабываемого страйка со стрельбой, устроенного Эллой Доминикой едва ли не в самом центре рынка славного города Орашата. Если честно, то про них она просто забыла в тот самый момент, когда её новая подруга, свалившись как обычно, будто снег на голову, схватилась за свой револьвер, и вспомнила только сейчас. Ровно десять… наверное, стоило подивиться такому совпадению, но непонятно с чего ей вдруг пришла в голову мысль поторговаться.

– А не многовато ли? – спросила Алана, строго глядя на мальчика сверху вниз. И почему, собственно, какой-то недоросток устанавливает здесь свои расценки?

В ответ мальчишка криво ухмыльнулся, пожал плечами, мол, не хочешь – как хочешь, дело хозяйское, и развернулся, по-видимому, с твёрдым намерением уйти. Недодавленную до конца крысу он проволок ногой по пыльной дороге, приготовив её, таким образом, к дальнейшему "путешествию". Алана закрыла глаза, признавая про себя полное поражение. Её рассудок был на грани, и она мысленно прикидывала, сколько часов (или минут, или секунд) он ещё сможет продержаться.

– Постой, – почти простонала она. – Постой… я согласна! Покажешь мне дом Акторуса, и… перестанешь мучить бедное животное. И получишь свои десять шелеков.

Такой расклад юному бизнесмену явно пришелся по душе, и уходить он передумал. Вместо этого стянул капюшон на макушку и грязным пальцем

постучал себя по лбу, словно давая понять: идиотов на своем веку он повидал немало, ещё одной его не удивишь.

– Она давно сдохла, – поведал он Алане таким тоном, будто разговаривал с душевнобольной. – Календарей сто назад. Ей уже все равно.

– Зато мне не всё равно, – устало произнесла Алана. – Так по рукам, или нет?

Мальчишка скривил рот, наподдал крысе ногой и та, к несказанному Аланиному облегчению, исчезла в кустах. После чего он подошел почти вплотную. Запах, источаемый этим ребенком, был неописуемым. Похоже, мылся он в последний раз во времена перехода Суворова через Альпы.

– Деньги! – потребовал мальчик и протянул руку. Алана отрицательно мотнула головой.

– Адрес! – в тон ему ответила она.

Пацан вновь осклабился щербатым ртом. Повеяло гнилью, от чего её сразу замутило.

– Деньги! – повторил маленький кошмар. – Иначе я сваливаю отсюда.

Внезапно Алана почувствовала острую головную боль. Её затошнило, зазнобило, кости начало просто выкручивать. Красная пелена застилала глаза. Хотелось только одного – уйти, убежать, спрятаться. Никогда не видеть этого жуткого места, этого странного ребенка, ничего этого.

С трудом пытаясь удержаться на ногах, она сунула руку в карман джинсов. Нащупала две пятишелековые монеты, превозмогая боль во всем теле, извлекла их на свет. Дотронуться до ужасного создания заставить себя не смогла, просто бросила пятаки в пыль. С проворностью росомахи мальчишка подхватил их, покрутил перед носом, пошкрябал ногтем и довольно заржал.

– Адрес, – прошептала Алана, ощущая безумную слабость. Что-то он делал с ней, этот мальчик. Что именно, понять она не могла, но что-то очень плохое. Будто высасывал из нее последние силы, последнюю жизненную энергию. Да и был ли

он мальчиком на самом деле? Думать об этом она не могла. Не могла думать вообще ни о чем. Почти…

На самом деле ее уже оставили всякие сомнения в том, что сейчас мальчишка просто смоется с ее деньгами, не сказав в ответ ни слова. Не исключено, что она бы даже порадовалась этому. Но, видимо, деньги делали свое дело даже в этом отвратительном мирке.

– Дойдешь до конца этой улицы, – мальчик показал рукой в сторону, откуда пришел и куда, собственно, все это время шла и сама Алана. – Свернешь направо. Его дом узнаешь сразу. Он один такой, его ни с каким другим не спутаешь, – и пацан отвернулся, явно собираясь отчалить восвояси.

– И это все? – выдохнула Алана. Как бы паршиво она себя не ощущала, возмущение взяло верх. – И за это десять шелеков?

"Зачем ты это делаешь? – вздохнул голос в её голове – Уходи отсюда, немедленно уходи, пока ещё не поздно!"

Мальчишка обернулся и посмотрел на неё своими колючими раскосыми глазенками. Взгляд этот не предвещал ничего доброго. Взгляд волчонка, но не простого. Волчонка, уверенного в своей защищённости. Волчонка, знающего, что где-то рядом в кустах сидит мать, или отец, или даже вся стая, которая с радостью набросится на чужака, осмелившегося посягнуть на его неприкосновенность.

– Не-а! – он широко улыбнулся всей шеренгой своих гнилых зубов. – Ещё за крысу, или ты забыла?

Алана подумала о том, как же должно быть это страшно – жить в месте, где даже маленькие дети вызывают такое отвращение. Но меж тем, совершенно неожиданно она почувствовала, как боль и страх уходят, уступая место ярости и гневу.

– Убирайся, – процедила она сквозь зубы. – Слышишь? Немедленно пошёл отсюда вон!

Мальчишка чуть подался назад, видимо, он не ожидал агрессии со стороны своей "жертвы". Однако никуда не ушел. Наоборот – впервые за все время их беседы, посмотрел на Алану с интересом и даже (её вновь до самых кончиков ногтей пробил озноб), с каким-то ну никак не свойственным для ребёнка столь нежного возраста вожделением.

– А ты красивая, – мальчишка цокнул языком и провел оценивающим взглядом по ее груди и ниже. – Журику ты наверняка понравишься. Он любит приручать таких, э-э-э… строптивых кобылок.

Это было уже слишком.

– А ну, пошел прочь! – крикнула она. – Проваливай! Убирайся к чёртовой матери, если не хочешь, чтобы я выбила из тебя мозги!

Мальчик замер, настороженно глядя на нее. Алана сжала руки в кулаки и сделала шаг вперед. Остатки благоразумия в голове кричали, нет, не кричали – вопили, чтобы она одумалась и уходила отсюда подобру-поздорову. Но сопротивляться обуревавшим чувствам было уже невозможно. Она не понимала, что такое происходит с ней здесь и сейчас. Никогда в жизни (в ее прошлой жизни), ей не пришло бы даже в голову ударить ребенка. Сейчас хотелось не просто ударить – забить до смерти, порвать на мелкие кусочки, стереть с лица земли это исчадие ада, по какой-то нелепой причине принявшее обличие маленького мальчика.

И, видимо, что-то появилось в её лице такое, что заставило волчонка отступить. Пятясь задом, он сделал несколько неуверенных шажков, затем вдруг нагнулся и, схватив с земли камень, швырнул его Алане в лицо. Острая боль обожгла висок – впрочем, камень пролетел мимо, лишь слегка расцарапав кожу острым краешком. Алана почти не обратила на это внимания. Не разжимая рук, она продолжала медленно надвигаться на мальчика. Медальон Банди на груди жёг кожу холодным огнём.

– Мы еще встретимся с тобой! – заорал волчонок что есть мочи, но в голосе его теперь было больше страха, нежели наглости и самодовольства. – Ты познакомишься с моим старшим братом! Он покажет тебе, что он делает с такими сладенькими девочками, как ты!

И вдруг резко сорвался с места и дал деру, оставив после себя только маленький столбик пыли. Бежал он так быстро, что уже через несколько секунд исчез из поля зрения.

В тот же момент силы окончательно покинули её и, потеряв равновесие, Алана опустилась прямо в пыль. Подтянула к себе ноги, свернулась калачиком, совершенно не обращая внимания на жутчайшую антисанитарию, царившую вокруг. Слезы катились из глаз. Чувство беззащитности, помноженное на чувство одиночества в двухсотой степени, захлестнули её с такой силой, что, казалось, сердце сейчас остановится. Даже дышать стало тяжело.

"Элла! Ну, где же ты, Элла?"

Тишина в ответ. Даже ветер, казалось, перестал дуть. Только скрип полуотвалившейся ставни, да протяжный крик какой-то неведомой птицы вдалеке.

Одна. Она была здесь совсем одна. Одна в чужом враждебном мире. Жёлтые тучи опустились совсем низко. Алана чувствовала, как они давят на нее. Воздух стал холодным и колким. Никто не придет, чтобы подать ей руку и поднять с земли. Элла не появится. Она завела её сюда и бросила на выживание. И выхода отсюда нет.

Отчаяние накатило с новой силой. Алана положила голову на дорогу, думая о том, что когда (если) прелестный маленький мальчик вернется сюда со своим таким же замечательным старшим братцем, то все, что им достанется – это её безжизненное тело, над которым они могут глумиться сколько угодно – ей уже будет все равно.

Что-то дотронулось до её правой руки, и девушка испуганно дёрнулась. Оказалось, что это кот – серый, с чёрной полосой на лбу. Подкрался поближе с целью обнюхать непонятный предмет, валяющийся на дороге. "Стервятники слетаются делить добычу, – подумала она с отвращением. – Но я-то пока ещё жива!"

– Брысь! – вяло прикрикнула она на кота. Тот зашипел, прижал не то обгрызенные, не то обмороженные уши и исчез под забором ближайшей лачужки. Алана медленно поднялась и села, озираясь по сторонам.

– Что здесь происходит? – задала она вопрос в пустоту. Никто на него, разумеется, не ответил. Ни кошки, ни деревья, ни тупо глядящие на нее пустыми глазницами-окнами дома. Но, видимо, чары, наведённые на неё маленьким колдуном из Низин, постепенно теряли свою силу. А может, их и не было, никаких чар, просто это место было особенным. Место, в котором, если верить словам Эллы, могло случиться что угодно.

Но от чего, же самый великий (опять же, по уверениям Эллы) из всех оставшихся на земле волшебников выбрал на ПМЖ эту клоаку?

Алана поднялась с дороги, отряхнула пыль с длинных волос, успела даже мимолетно отметить, что они стали гораздо светлее с той поры, когда их с Эллой подвозил до Орашата веселый шляпник дядюшка Бобо и, наконец, ощутила под ногами твёрдую почву. Окинула на всякий случай последним взглядом пустынную улицу и медленно побрела вдоль серых домов – в ту сторону, где, если мальчишка не соврал, находился дом Акторуса.

******

Остаток пути (домов пять или шесть) Алана преодолела без особых приключений. Запнулась пару раз об рытвины на дороге, но это так, мелочи жизни. Правда, во второй раз едва не "пропахала" носом, умудрившись зацепиться ногой за ногу, однако всё же удержалась в вертикальном положении и, неожиданно для себя, глухо рассмеялась.

Её смех прозвучал дико в давящей тишине. А что здесь такого? Да, возможно, она уже сошла с ума, возможно, это произошло ещё в тот момент, когда она увидела оживший труп в багажнике подвозившего её Соломатина. Милейшие жители Низин вряд ли стали бы её осуждать, в этом Алана даже не сомневалась.

Она завернула за угол крайней лачужки и с опаской обогнула толстое засыхающее дерево, похожее на монстра из ужастика, которое тянуло к ней свои корявые ветви-лапы. Огляделась по сторонам. Ну, и где же здесь жилище таинственного мага? Пейзаж за углом улицы оставался ровно таким, как и прежде, и страх вновь начал потихоньку просовывать куда-то в живот свои холодные скрюченные пальцы. А с чего она вообще взяла, что волчонок сказал ей правду? "Тебя же обдурить проще, чем трёхлетнего малыша, – не единожды говорил ей добрый друг детства Никита. – Нельзя быть такой доверчивой,

Аленький! Этот мир гораздо более жесток, чем тебе кажется".

Это он ей говорил! Ха-ха.

Пройдя вперёд ещё шагов тридцать, Алана окончательно убедила себя в том, что стала жертвой маленького мошенника, который наплел ей с три короба лишь для того, чтобы выманить денежки. Она ничуть не удивилась этому. Нет здесь никакого дворца, нет ни вафельного домика, ни избушки на курьих ножках. Даже намёка на место обитания великого и могучего Акто…

…И тут же увидела его.

******

Дом стоял на пригорке, чуть поодаль от остальных домишек и, на первый взгляд, мало чем от них отличался. Разве что, выглядел он покрепче, да и деревца за низким заборчиком не сохли, зеленели (точнее, синели). Обычный, деревянный дом "под сруб", с покатой крышей и выкрашенными белой краской наличниками. Но в том, что это был именно тот дом, Алана не сомневалась.

Наверное, его можно было бы сравнить с оазисом в пустыне, хоть она никогда в жизни не путешествовала по пустыням и в глаза не видала никаких оазисов. Но от него исходило ощущение силы… и это была хорошая, светлая сила. Прочие жилища Низин не вызывали ни малейшего желания переступить их порог, этот же манил и звал к себе, подобно журчащему прохладному ручью в лесу в знойный полдень, он притягивал взгляд, как прекрасная роза, выросшая на свалке.

А ещё он… пел?

Не веря своим ушам, девушка сделала несколько робких шагов по направлению к дому. Звуки, доносившиеся из него, были настолько непривычны для зловещей тишины этого странного мирка, что казались нереальными. Однако Алана просто не могла не узнать инструмент, на котором проиграла всё своё сознательное детство. Скрипка. Да, безо всякого сомнения, в доме кто-то играл на скрипке.

Музыка была незнакомая. Лёгкая, немного печальная и безумно красивая. Алана вспомнила слепого мальчика-флейтиста на базаре Орашата. Элла тогда сказала… да, она сказала, что перед ними ученик Акторуса. Теперь она знала, что это была чистая правда.

Скрипка всё пела и пела. Звуки её наполняли стылый сонный воздух едва уловимым теплом, а душу Аланы – покоем и умиротворением. И она поверила в то, что Акторус и в самом деле был волшебником – таким ли великим и могучим, как утверждала Элла, или нет, неизвестно, но под воздействием этой музыки она уже не чувствовала ни боли, ни страха. Не в силах больше противостоять внезапно нахлынувшему чувству безудержного, просто какого-то "щенячьего" восторга, Алана едва ли не вприпрыжку побежала к дому.

******

Калитка оказалась открытой. Девушка пробежала по дощатой дорожке и, не останавливаясь, направилась к крыльцу. Здесь она слегка притормозила, увидев лежащего на нём уже знакомого рыжего пса. Живые существа Низин с недавних пор не внушали ей особого доверия, однако пёс не проявил никаких признаков агрессии. Лениво поднявшись, он взглянул на девушку единственным уцелевшим глазом и помахал хвостом.

– Привет! – сказала Алана.

Цокая когтями по дереву, пёс подошёл, не спеша обнюхал её ногу, уселся рядом и вопросительно поднял морду. Алана осмелела и погладила его по голове между ушами.

– Ты ведь не злой, правда?

В подтверждение того, что он вовсе не злой, пёс лизнул её руку и широко улыбнулся, вывалив длинный розовый язык. Алана поднялась по ступенькам и ухватилась за кольцо, торчавшее из пасти невиданного железного зверя, смахивавшего одновременно на льва и на крокодила. Три раза ударила кольцом по двери. Музыка стихла. На несколько секунд вокруг воцарилась тишина, а затем за дверью послышались шаги.

******

Если бы кто-нибудь спросил её в тот момент, кого она ожидала увидеть, наверное, Алана затруднилась бы ответить. Может, седовласого старца в длинной серебристой мантии, похожего на Дамблдора из "Гарри Поттера", ну или, на худой конец, Сумасшедшего Профессора в белом халате, с моделью "перепетуум мобиле"[1 - Вечный двигатель (лат.)] в руках и говорящего с сильным британским акцентом? Но мужчина, открывший ей дверь, оказался нисколько не похожим, ни на одного из этих персонажей.

Очень высокий, очень худой. Не юноша, да, но вовсе и не древний старец. В вытянувшемся сером свитере крупной вязки с заплатками на локтях, и синих джинсах. Темные, слегка взъерошенные, и давно не стриженые волосы спадали на высокий лоб. Карие глаза, широкий рот, раздвоенный подбородок. Обычный мужчина средних лет, даже отдалённо ничем не напоминающий волшебника. Может, это вовсе не Акторус? Может, это кто-то другой? Приятель, заглянувший на огонёк, например? Слуга? Распространитель косметики "Орифлейм"[2 - Oriflame Cosmetics S.A. – косметическая компания, производящая средства по уходу за кожей лица, средства личной гигиены, парфюмерию и декоративную косметику из натуральных растительных ингредиентов.]? Алана подавила в себе нервный смешок, попытавшийся вырваться наружу.

Конечно, это было не так. Она не знала, откуда она это знала, но знала совершенно точно: этот мужчина в свитере с заплатками и с растрёпанными волосами (которые неплохо было бы постричь, кстати) и есть тот самый человек, которого её храбрая спутница Элла называла "самым великим магом из всех живущих на свете".

******

Алана в растерянности топталась на крыльце, не зная, с чего начать разговор. Мужчина исподволь разглядывал её и тоже молчал. Зато пес, выскочив из-за спины Аланы, тут же метнулся под ноги незнакомца и принялся смешно подпрыгивать, пытаясь лизнуть его в лицо. Мужчина засмеялся и неловко отмахнулся от собачьих нежностей:

– Хант! Ах ты, маленький бродяга! И где же ты пропадал всё это время?

Одноглазый Хант продолжал неистово скакать, издавая при этом звуки, напоминавшие одновременно скрип несмазанного колеса и мяуканье кошки.

Мужчина похлопал его по холке и отодвинулся, пропуская рыжего в дом.

– Иди-иди, твой вчерашний гуляш тебя заждался. Извини, если он не слишком свежий, но ты сам в этом виноват, гулёна!

Хант нырнул внутрь и исчез из вида. Мужчина выпрямился, вопросительно глядя на Алану. Неожиданно девушка оробела.

– Здравствуйте, – переминаясь с ноги на ногу, выдавила она из себя. – Вы – Акторус?

– Да, это я, – с готовностью кивнул хозяин дома. – Акторус – это я. А ты кто, прекрасное дитя?

Алана почувствовала, что краснеет. Комплиментами её одаривали часто, но ещё, ни разу этого не делали волшебники.

– Я Алана, – смущённо произнесла она, и вот тут с мужчиной что-то произошло. Он побледнел, потом покраснел. Потом побледнел опять, и испуганно попятился.

– Алана?

И сделал ещё шажок назад. Внезапно испугавшись, что сейчас Акторус просто захлопнет перед её носом дверь, Алана осмелела и шагнула на него.

– Я ищу Эллу. Она обещала помочь мне вернуться домой. Но случилось непредвиденное – в последнем портале на нас напали пограничники, и теперь я не знаю, где она и что с ней. Вы должны мне помочь. Прошу вас, помогите!

Она прижала руки к груди, и умоляюще взглянула на него. Лицо мужчины приобрело озадаченное выражение.

– Домой? Элла? Но как? Почему? – Акторус осёкся. Он был очень высоким, и, не смотря на то, что Алана и сама была не маленького роста, ей приходилось задирать голову, чтобы уловить его взгляд. Она поняла, что напугала его своими словами и сама почувствовала страх. Разве волшебники боятся?

Ещё секунду мужчина внимательно взирал на неё сверху вниз, потом посторонился и взмахом руки пригласил её пройти внутрь.

******

Она слегка помедлила на крыльце, и шагнула в тёмный коридор. И невольно вздрогнула, услышав за своей спиной звук захлопывающейся двери и лязг замка. "А ты уверена, что это на самом деле Акторус? – шевельнулся в голове чей-то насмешливый гаденький голосок. – И в том, что он безопасен? Вдруг это ловушка? В этом мире никому нельзя доверять, Аленький!"

– Это Акторус, и он безопасен, – прошептала она одними губами, отгоняя прочь подступившую тревогу. В доме было тепло и тихо. Пахло чем-то приятным, похожим на липовый мёд. Алана сделала пару шагов в темноте и тут же почувствовала, как в колени ей упёрлось что-то мягкое. Она успела сообразить, что падает, и ойкнула, но крепкая рука ухватила её за плечо и удержала в вертикальном положении.

– Хант, – раздался над ухом укоризненный голос Акторуса. – Как ты себя ведёшь? Нехорошо кидаться людям под ноги. А ну-ка немедленно брысь!

Пушистая мягкость прошелестела возле её ноги, а заботливая рука, так же поддерживая за плечо, легонько подтолкнула вперёд.

– Осторожней, девочка! – мягко сказал мужчина. – Не споткнись.

Был ли он волшебником на самом деле, или нет, он был очень обходителен и даже мил. Алана почувствовала расположение к своему новому знакомому.

– Почему здесь так темно?

– На всякий случай, – уклончиво ответил Акторус. – Можешь считать, что в целях безопасности. И потом у меня редко бывают гости, а сам в своём доме я прекрасно ориентируюсь и без света.

– А Элла? Тоже? – Алана вспомнила невероятные коридоры в домике тётушки Луизы. Акторус помолчал, потом она услышала задумчивое хмыканье в темноте.

– Элла? Да, конечно… – Акторус всё так же продолжал бережно поддерживать её, ведя по коридору. – Ты, наверное, голодна? Идём, я тебя накормлю.

Когда глаза слегка привыкли к сумраку, Алане удалось разглядеть длинные ряды непонятных вещей и стопки толстых книг, сваленных прямо вдоль стены. Они свернули направо и оказались в небольшой уютной кухоньке. Вдоль окошка с голубыми занавесками стоял большой деревянный стол на толстых резных ножках и два стула с высокими спинками. Не спрашивая разрешения, Алана бухнулась на один из них. Не то, чтобы она была невежливой, вовсе нет… просто очень устала.

Акторус почесал в затылке, после чего его волосы приобрели ещё больший взъерошенный вид. Какой-то он был нескладный, смешной. Но Алане определённо нравился.

– Чем же мне тебя угостить? – озадачился мужчина и метнулся в угол. Ого, у него была настоящая печка! С изразцами, горнилом, дымовой трубой. Такого чуда Алана не видела даже в домике тётушки Лу. Кажется, она действительно попала в сказку.

Из печи Акторус извлёк на свет божий некое подобие большого глиняного горшка с крышкой. Запахло чем-то вкусным, желудок предательски заурчал, и Алана смущённо кашлянула. В горшке плескалось нечто, по запаху и цвету напоминающее борщ.

– Конечно, я не бог весть, что за кухарка… – Акторус как будто извинялся. Следом на столе появились блюдо с душистыми булочками, кувшин с молоком, горшочек со сметаной и овощи, вкусом напоминающие очень сладкий помидор, но по внешнему виду больше походившие на плоские зелёные лепёшки. Такие Алана уже успела отведать в гостях у тетушки Луизы – назывались овощи "голли".

Схватив заботливо подсунутую мужчиной ложку, Алана с жадностью набросилась на еду. И когда она успела так проголодаться? Может, в кулинарном мастерстве Акторусу было до тётушки и далековато, однако это не помешало ей в три секунды опустошить тарелку. Полина сошла бы с ума, увидев, как неприлично её воспитанница "мечет" на глазах у хозяина, просто годы обучения хорошим манерам выброшены на свалку, ха-ха. Алана застенчиво

улыбнулась мужчине и неловко поёрзала на стуле.

– Ой, простите. А Вы не будете есть?

– Что? – Акторус явно находился в своих мыслях, где-то далеко отсюда. – Нет-нет, я только что отобедал. Говори мне "ты", пожалуйста.

– Извините… то есть, извини, – от пережитого потрясения она совсем забыла, что в этом мире не было принято обращаться на "Вы" даже к людям, гораздо старше себя. И, похоже, её новый знакомый сразу обратил на это внимание.

– Ты ведь не отсюда? – спросил он. – Не с Побережья? Такое чувство, что и не с Востока, и не с Запада. Откуда ты?

– Я? Я из… – Алана прикусила язык. Что Акторус знает о её мире? Возможно, больше, чем она может себе представить. Скорее всего. Но как проверить?

– Не с Побережья, – пробормотала она и сделала вид, что жизненной необходимостью является сейчас откусить от булочки. Почему-то врать этому человеку было стыдно – уж лучше недоговорить.

А он всё не сводил с неё глаз, как будто не верил тому, что видит. Под этим взглядом Алана уже чувствовала себя внезапно ожившей картиной Джоконды, и снова заёрзала на месте. Акторус, конечно, очень мил, но… как бы это потактичнее намекнуть ему, что некрасиво так пялиться на девушку? Тем более, находясь с ней наедине, не считая, разве что, собаки.

Полина бы "намекнула", прямо в лоб, даже не раздумывая.

– Ты оттуда? – тихо спросил волшебник. – Из того самого мира? Из мира автомобилей, самолётов и этих… как их… ком… путеров?

– Компьютеров, – машинально поправила Алана, и в душе её забрезжила надежда. – Вы… ты… ты знаешь? Ты был там?

Акторус замер. Взгляд его, задумчивый и почти восхищенный, вдруг стал строгим и отрешенным. Потом мужчина отрицательно покачал головой.

– Нет, маленькая Алана. Я там ни разу не был. Но я… много слышал об этом месте.

– Жаль, – Алана опустила голову. – Я думала, ты знаешь, как мне вернуться домой.

– Ну, – мужчина пожал плечами. – Мне кажется, это не уж так сложно. Скорее всего, тем самым путём, которым ты попала сюда. Как это произошло?

Алана задумалась, разглядывая железную ложку с витой ручкой. Она припоминала все события своего странного дня рождения, и прикидывала, что из всего этого подлежало рассказу её новому знакомому.

– Я не знаю. Не помню. Я упала в яму… там, у себя, в своём мире. Очнулась в пещере. Вышла из неё в лесу, неподалёку от города Старограда. И там познакомилась с Эллой. Вот и всё.

Она замолчала, подняла глаза и исподлобья посмотрела на мужчину. "Он знает, что я вру… точнее, недоговариваю", – мелькнуло в голове. Он знает.

Молчал и Акторус, разглядывая свои руки, лежащие на столе. Алана отметила про себя, какие у него красивые длинные пальцы. В тишине было слышно, как кто-то скребётся за печкой.

– Значит, ты хочешь, чтобы я помог тебе вернуться домой, – сказал, наконец, Акторус – больше утвердительно, чем вопросительно.

– Да! – Алана подскочила на стуле и тут же плюхнулась обратно. – Нет.

– Нет? – Акторус поднял удивлённые глаза.

– Нет. То есть, да, – она совсем запуталась. – Я хочу домой. Но сначала я должна увидеть Эллу.

– Эллу? – голос Акторуса прозвучал как-то глухо. – Зачем она тебе?

Теперь пришёл черёд удивляться ей. Что значит – зачем?

Странный какой-то получался у них разговор. Алана посмотрела в окно.

– Я должна убедиться, что с ней всё хорошо. Спасибо за угощение. Но, наверное, мне пора идти.

– Идти? – переспросил Акторус. – Как – идти? Куда – идти?

Честное слово, он начинал ей надоедать. Этот "волшебник" похоже, состоял из одних вопросов, а она-то, глупышка, наивно полагала найти здесь ответы на свои. Ну, уж, во всяком случае, представляла себе беседу с ним немного по-другому.

– Не знаю куда. Куда-нибудь. Искать Эллу.

Акторус рассмеялся и помотал головой.

– Алана, в этом нет необходимости. Во-первых, скоро уже стемнеет. А во-вторых, думаю, с Эллой всё в порядке.

– Откуда ты знаешь? – крикнула она и вдруг почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Элла любила этого человека… да, любила и восхищалась, как никем другим. А он почему-то не хотел, чтобы они встретились. Алана это чувствовала, но не понимала, что являлось тому причиной. – Откуда ты знаешь? На нас напали пограничники. Элла говорила, что это невозможно. Что они не посмеют!.. Но они посмели, и она осталась там, в портале. Она спасала меня! И я не могу уйти домой, пока не узнаю, что она жива и здорова, слышишь? Не мо-гу!

Она всё-таки не выдержала и разрыдалась. Акторус поднялся со своего места, подошёл к ней, и неловко положил на голову широкую тёплую ладонь.

– Не плачь, девочка, – тихо сказал он. – Не плачь. Сейчас не время поддаваться унынию.

Алана всхлипнула и подняла на него заплаканные глаза.

– Элла говорила, что ты её друг.

– Да, это так, – ответил Акторус и, судя по тону, ни капли не покривил душой, отчего ей немного полегчало. – Я её друг, и горжусь этим. Элла – это лучшее из всего, что произошло со мной за последние годы. Я знаю, что ты не доверяешь мне, и не могу тебя в этом винить, но если можешь – просто поверь. Я действительно её друг. А… кто ты?

– Я? – Алана осеклась. Действительно – кто она? Она готова была уже обвинить Акторуса в том, что он по каким-то своим соображениям препятствует их встрече с Эллой, но совсем не учла, что он ведь тоже ничегошеньки о ней не знает. Неожиданно накатило отчаяние – безнадёжное, как сама смерть.

– Никто, – сказала она чуть слышно, и уронила голову на грудь.

Акторус присел перед ней на корточки, взял её руки в свои большие ладони и заглянул в глаза.

– Расскажи мне всё, Алана! Это очень важно. Всё, что ты знаешь.

******

И Алана рассказала. Всё, без утайки. Начиная с момента, когда она, погружённая в свои мысли, сидела с бокалом шампанского за столом в пустой квартире и до того самого места, когда они с Эллой, в портале, где всё пошло не так, оказались вдвоём перед бесчисленной сворой ужасных, мерзких, копошащихся тварей, которых Элла называла "пограничниками". Хотя нет, не вдвоём – втроём. Был ещё Пушок – отважный квазилев. И после – как она брела уже одна по серой пыльной дороге, встретив пару молчаливых жителей Низин и чрезвычайно неприятного ребёнка, играющего в футбол дохлой крысой.

Акторус слушал, молча, не перебивая. Иногда вставал, прохаживался по кухне, ерошил непослушные волосы. Рыжий Хант, присоединившийся к ним, улёгся в ногах у Аланы, свернулся клубком и едва заметно шевелил ушами, будто тоже прислушивался.

Закончив рассказ, она замолчала. Акторус вновь занял своё место на другом конце стола и задумчиво потирал подбородок большим пальцем левой руки. Наконец она решилась задать вопрос, больше всего терзавший её на данный момент.

– Акторус, скажи… Элла… она… что с ней? Что ты чувствуешь? Она… жива?

Акторус помолчал ещё несколько необыкновенно долгих секунд, затем кашлянул и, как-то неестественно спокойно, сказал:

– Да… я думаю, да, хоть это всё равно очень странно, и Зоту в любом случае придётся держать ответ перед Сенедом. Пограничникам не справиться с принцессой. У них нет опасных зубов или когтей, и они не изрыгают ядовитые вещества. А насчёт телепатии… – мужчина замолчал, потом вдруг отчего-то поморщился и махнул рукой. – Если честно, меня больше интересуешь ты. Как ТЕБЕ удалось от них сбежать?

– Мне? – Алана удивлённо приподняла плечи. – Я… я не знаю.

Акторус пристально смотрел на неё. Алана отвела взгляд, с содроганием вспоминая лысые тела с узкими крысиными мордами и слепыми глазами-бельмами, раскачивающиеся из стороны в сторону. "Алана… с-с-с-… пойдём с нами, Алана… с-с-с…" Этот зловещий полушёпот – полусвист она слышала не ушами. Он исходил откуда-то изнутри, въедался в мозг и парализовал его. Казалось, сопротивляться ему было невозможно.

– Никому не удавалось ускользнуть от пограничников, – голос Акторуса прозвучал откуда-то извне, будто из другой реальности. – Как ты смогла?

– Я не знаю! – выкрикнула она в отчаянии. – Не знаю! Откуда я знаю, если я ничего не зна-ю!?

Но она знала.

******

…Хруст рвущейся головы – кр-р-рак! – и кукла разодрана пополам.

– Ты сломала её! – возмущённо кричит Алана. – Гадкая девчонка! Вредина! Мама!

Огромные голубые глаза Лёльки, удивлённо взирающие на голову с белыми косичками, оставшуюся в её руке.

– Я всего лишь хотела посмотреть, как они заталкивают в них глаза. Не кричи! Родители подарят тебе новую.

– Мне не нужна новая! Мне нужна эта! Противная девчонка! Мама! Ма-ма-а а-а-а-а-а!!!

******

Алана закрыла лицо руками. Воспоминания из детства, почти отпустившие после того, как она попала на Побережье, нахлынули с новой силой. Похоже, больше ей не избавиться от них никогда. Сейчас бы она готова была отдать Лёльке всё, всех кукол мира, только что это изменит?

Девушка убрала назад упавшие на лицо волосы, взглянула в глаза мужчине, сидевшему напротив – точь-в-точь такие же карие, как у неё – и сказала:

– Я просто вспомнила свою сестру.

Глава 1

Это был самый обычный день, 18 апреля 1995 года. Весна в тот год выдалась ранняя. Старики уверяли, что ничего хорошего в этом нет – после такого неожиданного тепла только и жди заморозков в середине мая, вот тебе и вся посевная насмарку. А ещё все эти, будоражащие нервы, разговоры о грядущем солнечном затмении…

Начинал их, как правило, Артур Петрович Кац, бывший начальник отдела кадров ЖЭКа на пенсии, а ныне консьерж нового элитного дома, выстроенного администрацией города для своих сотрудников. Восседая за новеньким, пока не обшарпанным полукруглым столом, он орлиным взглядом осматривал каждого

проходящего и, в случае, если ему казалось, что "клиент" недостаточно добросовестно вытер ноги, начинал немедленно повествовать о неминуемом "конце света". Правда, действовали его страшилки только на таких же, как он, пенсионерок, и маленьких детей. Первые не то, чтобы боялись – но, видите ли, Артур Петрович был холостяком и самым завидным в районе женихом "за шестьдесят", как же можно обделить его вниманием? Последние не боялись тем более, просто они любили наблюдать за шевелением бородавки на большом мясистом носу "предсказателя", в те моменты особой важности, когда он вытягивал в трубочку губы, словно пытаясь достать ими до кончика носа. Выглядело очень смешно, однако говорить Артуру Петровичу об этом не следовало. Потому, что критику консьерж приветствовал – но только ту, которая не касалась его самого, а нажить врага в лице такого ответственного человека чревато, знаете ли, даже малышне понятно.

Но в это теплое солнечное утро две маленькие девочки, дочки инженера Николаева, проскочили мимо Артура Петровича, не удостоив консьержа даже взглядом. Ну, какой, скажите, конец света, когда сегодня твой день рождения, и тебе только что исполнилось пять? Двум отважным путешественницам, стоявшим рука об руку в траве напротив глубокого, заросшего буйной растительностью оврага, не было ровным счетом никакого дела до всех этих астрономических сенсаций. Позади них находилась цивилизация – новые многоэтажные дома, гудящая машинами автострада, спешащие по делам люди. Впереди – дикий лес, от которого девочек отделял сейчас лишь разъеденный эрозией пролом в земной коре. Вот с этого самого момента и начинается наша история.

******

Девочки были сестрами. Близнецами, а точнее – двойняшками.

Старшая девочка (старше минут на сорок, не больше) была очень светлой блондинкой, с прямыми волосами и карими глазами. Ее сестра – черноволосой, кудрявой и голубоглазой. И сегодня утром, в честь дня рождения, мама подарила дочкам красивые яркие плащики, одинаковые во всём, кроме цвета. Правда, она сомневалась, стоит ли выпускать детей на улицу в новой одежде, но справедливости ради, нужно признать, что опасения ее касались лишь одной дочери.

Ах, если бы различия этих малышек были только внешними!

Меньше всего маме пришло бы в голову волноваться за любимую дочку Алану (блондинку в жёлтом плаще). Алана с пеленок была "золотым" ребенком. Милая, послушная девочка, на редкость умненькая и рассудительная. Начав разговаривать месяцев в восемь, казалось, с этих самых пор, она выдавала только одни здравые мысли, и ничего более. Этот ребёнок должен был появиться на свет хотя бы для того, чтобы опровергнуть миф о том, что все дети – непослушные и шкодливые существа, поддающиеся управлению лишь посредством ремня. Невозможно было представить себе, чтобы на Алану пожаловались соседи или воспитательница в детском саду. Словом, малышка просто воплощала собой мечту любой мамочки, и даже самого отъявленного атеиста могла заставить поверить в то, что ангелы все-таки существуют.

Но совершенно другим ребенком была ее сестра Алёна – или Лёлька, как ее звали родные – очаровательная брюнетка, в свои пять невинных лет уже обладавшая улыбкой роковой обольстительницы, маленькая бестия в красном плащике, красных лаковых туфельках и красном ободке, натянутом сверху на непослушные черные кудряшки.

Лёлька была "бандиткой".

Едва ли не с рождения от нее рыдали все знакомые мальчишки и кидались врассыпную все случайно оказывающиеся поблизости кошки. Во дворе и всех его окрестностях не было ни одной лужи, в которую бы Лёлька не влезла по самые уши, ни одного гвоздя на заборе и ни одного сучка на дереве, на которых бы она не повисла. Не проходило и дня, чтобы Лёлькины локти или колени не украшала новая ссадина, а ее одежду – новая прореха. Куклы и плюшевые мишки, подаренные этой девчонке заботливыми родственниками, обычно тут же раздирались на части и в таком виде летели в разные стороны. Зато она лучше всех в старшей группе детского сада бегала, прыгала и чрезвычайно метко стреляла пластмассовыми пульками из игрушечного ружья. Порой, правда, эта меткость выходила ей боком – как в тот день, когда некстати вылетевший шарик угодил прямо в мягкое место толстой соседке, имевшей неосторожность наклониться в непосредственной близости от скучающей Лёльки. После этого инцидента Лёлька лишилась разом и ружья, и сладкого к ужину.

"Это не ребёнок! – не уставала ежедневно повторять воспитательница Алла Сергеевна, возвращая по вечерам родителям обеих дочерей – одну в приличном, почти "утрешнем" виде, вторую – как карта ляжет. – Нет, это не ребёнок! Это же

просто уму непостижимо, как могли в один день родиться ангел и самый настоящий…"

Тут Алла Сергеевна, из соображений этики, как правило, замолкала, но её взгляд, направленный в Лёлькину сторону, говорил сам за себя.

Лёлька все эти многозначительные взгляды и прочие намёки, что называется, имела в виду. Позиция её с пелёнок был однозначной – или я добьюсь своего, или я своего добьюсь. Не согласным с этой позицией оставалось пенять на себя.

Зато она была папиной любимицей. Папа всегда мечтал о сыне и, хоть в один прекрасный день вместо долгожданного наследника приобрёл сразу двух очаровательных дочурок, он не очень по этому поводу расстраивался. Ведь Лёлька, с его точки зрения, была лучшим сыном, какого только мог пожелать уважающий себя отец – сильная, ловкая и абсолютно бесстрашная, не смотря даже на то, что девочка.

Так они и жили – мамина дочка Алана и папин сорванец Лёлька и, как ни странно, прекрасно ладили меж собой. Да, иногда Лёлька ломала Аланины игрушки и размалёвывала фломастером мордашки её кукол, нечаянно рвала её книжки и одежду или ненароком толкала с такой силой, что Алана кубарем летела в угол. Но в одном родители и сама старшая сестра могли быть твёрдо уверены – любого хулигана, на свой страх и риск посмевшего обидеть Алану, ждала ужасная кара в лице непосредственно самой разъярённой Лёльки. Потому, что в своей любви к сестре Лёлька была неистова так же, как и во всём остальном.

******

Теперь, когда мы узнали достаточно об этих малышках, пришло время познакомиться с ними поближе. Подкрасться настолько близко, чтобы услышать слова, которые прошептала Лёлька почти в самое ухо сестры. Слова, которые она ни за что на свете не сказала бы больше никому – ни маме, ни папе, ни даже лучшему другу Никите, ни уж, тем более, Артуру Петровичу, обсуждающему в настоящий момент с Аделаидой Порфирьевной из пятнадцатой квартиры, вновь взлетевшие цены на гречку.

– Я знаю, как убить Колдуна!

Алана широко распахнула глаза. Лёлька улыбалась вот так – широко разведя в стороны уголки губ и не разжимая их. При этом в глазах её плясали чёртики. Она всегда строила такую мину, когда что-то замышляла.

– Мне рассказал об этом соловей. Он пел чудесную песенку… во дворе, пока ты два часа одевалась.

Девочка смотрела на сестру с укоризной, хотя та ни в чём не была виновата. Сегодня мама особенно долго причёсывала Алану, с любовью заплетая золотистые волосы, в то время как неугомонная Лёлька нацепила на голову красный ободок и растворилась за дверью.

– Оказывается, это очень просто. Нужно всего лишь найти волшебный цветок, – шёпотом продолжила Лёлька. – И в ночь полнолуния, когда луна взойдёт на самую вершину, надо подкрасться и воткнуть этот цветок Колдунищу прямо в глаз. И всё! Он мертвец!

Последние слова она произнесла уже в полный голос, нетерпеливо подпрыгнув на месте сразу двумя ногами и прихлопнув в ладоши. От этой радости Алану пробил озноб. "Подкрасться и воткнуть прямо в глаз…" Ничего себе! Легко сказать…

******

Колдун был их тайной. Только их двоих, больше ни одна живая душе в мире ничего о нём не знала. "Если мы кому-нибудь расскажем об этом, – справедливо заметила рассудительная Алана, – нас точно запрячут в психушку, как Юрочку".

Юрочкой звали сына соседки из третьего подъезда, высокой дамы с длинным лошадиным лицом. Мужа этой женщины никто никогда не видел, (соседи могли только строить догадки о наличии в её жизни каких-либо мужчин), а сына – тихого, незаметного, похожего на тень, подростка Юрочку она держала в строгости, никогда не позволяя ему "ничего лишнего". В их дружном дворе, где все знали друг о друге всё, эти двое стояли особняком. "Лошадиная" дама вроде работала где-то "в органах", но в силу возраста Алана и Лёлька плохо представляли себе, где именно находятся эти самые "органы" и чем они занимаются. Юрочка вроде где-то учился, но не в местной школе, и со своими

сверстниками не водился, предпочитая их общество одиночному сидению дома. Словом, никто ничего толком об этой семейке не знал, лишь иногда видели их, выходящими из подъезда или заходящими в него. И так продолжалось до того самого дня, пока пенсионерка Эдита Максимовна, собравшаяся с утра пораньше выбросить оставшиеся после вчерашних посиделок с подружками пустые коробки из-под вина и тортиков, не обнаружила Юрочку на ближайшей помойке. С блаженной улыбкой от уха до уха парень восседал, будто король на троне, на перевёрнутом мусорном бачке. В руках он держал большой пакет, из которого добывал, судя по счастливому лицу, что-то очень вкусное. Большую селедочью голову с обгрызенным хребтом, например, картофельную очистку, кусок заплесневелого сыра (причем, как вы, наверное, уже догадались, это был отнюдь не элитный "Рокфор"). Подозрительно косясь на подростка, Эдита Максимовна прокралась к помоечному ящику, и в этот момент Юрочка попытался запихнуть сыр себе в рот, чем поверг пенсионерку в настоящий культурный шок.

– Юрка! Ты что же это, паразит эдакий, делаешь! – закричала на него Эдита Максимовна. На что обычно тихий и незаметный Юрочка отреагировал весьма странно. Довольная улыбка немедленно сползла с его лица, а на её месте возникла злобная гримаса. Не слезая с крышки бачка, Юрочка вскочил на четвереньки, оскалился и зарычал, а потом залаял грубым басом, и запустил в оторопевшую Эдиту Максимовну гнилой картофелиной.

Пенсионерка в испуге побросала мусор и, отвешивая на ходу крестное знамение, кинулась к дому. "Помогите! В Юрку бес вселился!" – что есть мочи орала она при этом, несясь вприпрыжку, с совершенно несвойственной её солидному возрасту, скоростью.

В считанные минуты двор проснулся, и бедолагу окружили вездесущие ребятишки, среди которых оказались и сёстры. Юрочка шипел, плевался, кидался очистками, по-обезьяньи скакал на крышке бачка и по-собачьи лаял. Иногда, к всеобщей радости, он переходил и на человеческий язык – правда, в основном нецензурный. Жильцы озадачились – никто до сего момента даже предположить не мог, что этот вежливый тихоня знает такие слова. Поначалу выдвинули версию, что паренёк придуривается, и дворник дядя Паша, даже попытался стащить его за ногу с бачка, но тот неожиданно ловко извернулся и так же неожиданно сильно лягнул дядю Пашу, попав ему по лицу. Из носа дворника брызнула кровь, много крови. От вида этой картины Алану стошнило, а

Лёлька сразу поставила диагноз, и восторженно завопила на весь двор: "Юрочка сошёл с ума-а!".

Это уже было слишком, решили все, и позвали участкового. Участковый, разогнал малышню, вызвал наряд милиции и, не вдаваясь особо в подробности, карету "Скорой помощи". "Скорая" вообще-то предназначалась побитому дяде Паше, но дворнику она не потребовалась, поэтому увезли на ней Юрочку, спеленатого по рукам и ногам.

В ту ночь Алана спала плохо, постоянно просыпалась, плакала и звала маму. Во сне к ней раз за разом приходил Юрочка, улыбался, пускал на воротник слюни и жестами предлагал разделить с ним протухшую рыбью голову, но каждый раз, как она протягивала руку, рыба скалилась, вывалила мертвый синий язык и норовила тяпнуть Алану за палец. А несносная Лёлька тем же вечером накарябала мелом на двери подъезда одно из открытых для себя при помощи Юрочки новых слов. Писать она, на свою голову, научилась рано, но вот в превратностях эпистолярного жанра разбиралась пока из рук вон плохо, вследствие чего и получила от мамы по мягкому месту.

С момента того происшествия прошло больше полугода. Юрочку никто из соседей больше не видел. Месяц спустя, пенсионерка Эдита Максимовна, чувствуя некоторую свою причастность к случившемуся, осмелилась задать его матери единственный робкий вопрос. "Мой сын отдыхает в санатории!", – отрезала та, и ушла, не оборачиваясь и высоко подняв голову. Однако сын близких друзей родителей Аланы и Лёльки, третьеклассник Никита, который знал всё и обо всём, утверждал, что "санаторий", в котором отдыхает Юрочка, среди нормальных людей именуется не иначе, как дуркой. "Там, – объяснил он сёстрам, взиравшим на него с раскрытыми ртами, – все такие. Один разговаривает с инопланетянами, другой слышит голоса в голове, третий считает себя Наполеоном, а четвёртый видит то, чего никто не видит или то, чего вообще нет. Одним словом: "ку-ку"", – и Никитос покрутил пальцем возле виска.

"То же самое будет и с нами, если мы расскажем маме или папе о Колдуне, – сказала Алана. – Они могут решить, что мы "ку-ку" и нас пора сдать в дурдом". Этого она боялась больше всего на свете. Обладая замечательной фантазией, Алана очень хорошо представляла себе, как возле дверей "санатория", наполненного психами, их встретит улыбающийся Юрочка с дохлой селёдкой в руках. Лёлька помолчала и сухо кивнула, хотя перспектива составить компанию

Юрочке её не пугала. Место, где не воспрещалось общаться с инопланетянами, по её мнению, наоборот, заслуживало пристального внимания. Гораздо важнее было другое – рассказав кому-нибудь о Колдуне, она могла потерять возможность лично с ним расправиться.

******

Колдун появился в их жизни несколько месяцев назад. Только в детстве время течёт гораздо медленнее, и месяцы могут растянуться на годы. Наверное, поэтому сёстрам иногда казалось, что первая встреча с ним произошла очень, очень давно.

В один из новогодних вечеров родители задержались в гостях. Отправить девочек в кровати в девять вечера было некому, и Алана с Лёлькой, обрадовавшись нежданно свалившемуся на них счастью, "заторчали" возле телевизора допоздна. Они устроились вдвоём в одном кресле, поставив меж собой сладкий новогодний подарок, ели конфеты и смотрели не очень понятное, но зато взрослое кино "про любовь". Посередине фильма Алана нечаянно заснула, уронив голову на мягкий подлокотник, и проснулась оттого, что замёрзла. Протерев глаза, она начала озираться по сторонам и обнаружила, что сестра уже не сидит рядом, сложив по обыкновению на Алану обе ноги.

Лёлька стояла возле окна. Приподнявшись на цыпочки и вцепившись руками в подоконник, она внимательно что-то разглядывала в темноте. Алана слезла с кресла, подошла и встала рядом.

– Смотри, – Лёлька прислонила к стеклу вымазанный в шоколаде указательный палец. – Ты тоже его видишь?

Во дворе было темно и тихо. Падал снег. Белые хлопья сыпались с неба так щедро, что сквозь них очень сложно было что-то разглядеть. Алана видела деревянную горку, с которой не далее, чем сегодня днём они катались, визжа и хохоча, как ненормальные, качели, выкрашенные в красный цвет, и пристроившиеся неподалёку от качелей "Жигули" консьержа Артура Петровича. На крыше "Жигуленка" уже успела вырасти солидная снежная шапка.

Их двор, такой безопасный и уютный при солнечном свете, в темноте отчего-то выглядел угрюмо и даже немного зловеще. В соседнем доме светилась лишь

пара-тройка окон и Алана подумала, что, наверное, сейчас уже довольно поздно. Но где же мама и папа? Странно, что они до сих пор не вернулись.

Снежинки падали с неба теперь уже почти сплошной белой стеной. Одноногий фонарь освещал желтым глазом часть детской площадки, беседку с покатой крышей и дорожку к ней. О существовании этой дорожки теперь можно было только догадываться – снег засыпал и её, укрыв вокруг всю землю ровным покрывалом.

На том месте, где предположительно пролегала дорожка, стояла высокая худая фигура, закутанная в чёрный плащ. Человек (если это был человек) смотрел в их сторону и не шевелился. Лицо его в свете фонаря казалось абсолютно белым, на голове – чёрный капюшон. В руках он держал какой-то предмет, голубой светящийся шар.

Алане стало страшно. Она прижалась к сестре.

– Кто он такой? – прошептала она. – Что ему здесь надо?

– Я не знаю, – так же шёпотом отозвалась Лёлька, продолжая вглядываться в темноту. – Не знаю. Но он… недобрый. Ты чувствуешь?

О да, она чувствовала это! От тёмной неподвижной фигуры исходил холод. Сперва она подумала, что это просто дует из форточки, но форточка была закрыта. Кровь стыла в жилах от ужаса, который источало существо, укутанное в плотную ткань.

Лёлька взяла её за руку. Ладонь у неё была маленькая, но очень крепкая и тёплая.

– Не бойся, – сказала она. – Оно слышит, когда его боятся.

Алана хотела спросить: как можно услышать страх? Но не стала, поскольку в глубине души понимала, что Лёлька права. Лица человека или нечеловека в темноте разглядеть было невозможно, но это не помешало ей представить себе его глаза. Они были красные. Жестокие, беспощадные красные глаза. И она знала – если будешь долго смотреть в них, то точно ослепнешь.

Существо подняло голову и посмотрело прямо на Алану. И вдруг оно начало расти – раздуваться, расширяться, расползаться в стороны и вверх. И не только расти, но ещё и…

Приближаться? Да, так и есть – существо приближалось к ним, но одновременно оно ещё и оставалось на месте, вот что было самое странное.

– Японский городовой! – выплюнула Лёлька любимое папино ругательство.

Алана не смогла этого вынести. Она закричала, закрыла лицо руками и бросилась прочь, в другой конец комнаты. Забравшись с ногами на широкий диван, натянула на голову плед и спряталась под ним. Ещё никогда в жизни она так не боялась.

Внезапно окно распахнулось, будто от сильного порыва ветра. Это было совершенно невозможным, просто ни в коем случае – ведь рамы было крепко-накрепко закрыты на щеколды. И, тем не менее, это произошло. С подоконника слетел глиняный горшок с азалией, с грохотом раскололся на две части, кучка земли рассыпалась по светлому бежевому ковру. Алана изо всех сил вцепилась в плед, а её младшая сестра – в оконную раму.

– Алана! – крикнула она. – Скорее сюда!

Но Алана не могла даже пошевелиться. Страх перед существом во дворе полностью парализовал её сознание. Она знала – это оно открыло окно, никакие замки и шпингалеты не могли его остановить. Потому что это было чудовище из ненашего мира, и на него не действовали земные правила и законы. Каким образом это ужасное создание попало сюда, и что ему понадобилось от двух маленьких девочек?

Лёлька висела на раме, вцепившись в неё обеими руками, но силёнок не хватало, чтобы закрыть окно. Белые снежные хлопья летели в комнату, таяли, едва касаясь, пола и превращали рассыпавшуюся цветочную землю в грязь, а Лёлькины ноги скользили по этой грязи, размазывая её ещё больше. Левый тапочек она потеряла, и теперь он с немым укором поглядывал на Алану из-под батареи.

– Алана! Скорее! Помоги!

Кое-как Алана заставила себя высунуть из-под пледа голову. Существо висело за окном. Она даже не удивилась тому, что оно находилось там – за окном второго этажа, безо всякого страховочного троса. Лицо стало большим и нечетким, сейчас оно напоминало луну огромных размеров. Луну в капюшоне. Губы луны раздвинулись в жутком оскале, обнажив длинные острые зубы, а глаза – красные глаза, ехидно усмехались.

"Боишься меня, девочка? – услышала она тихий, вкрадчивый голос. Голос звучал не извне – он самым чудесным образом "расположился" в её голове. Как-то очень кстати вспомнился Никитка с его рассказами о психах. – Правильно делаешь, что боишься. Хорошие девочки должны меня бояться. Хорошие девочки должны слушаться старших. А плохие девочки – те, которые везде суют свой нос и делают то, что не следует, должны быть наказаны. Сиди смирно, Алана, будь хорошей девочкой. И тогда я накажу только твою сестру".

– Алана! – Лёлькин голос доносился, будто сквозь вату, которой вдруг отчего-то наполнились её уши. – Ну что же ты? Я не смогу его надолго удержать!

Алана изо всех сил затрясла головой, пытаясь таким образом вытряхнуть из неё голос чудовища. Существу это совсем не понравилось, голос стал более строгим и велел ей, чтобы она немедленно прекратила этим заниматься, чтобы она не смела, уподобляться своей плохой, очень плохой сестре. Но страх за Лёльку оказался сильнее страха перед монстром.

В конце концов, их всегда было двое. С самого рождения, с того самого момента, когда она начала хоть что-то соображать, Алана знала, что она не одна. И Лёлька ни за что на свете не оставила бы её наедине с любой опасностью. А иначе на что вообще человеку нужна сестра?

Она свалилась с дивана и неудачно приземлилась на четвереньки, потянув за собой клетчатый плед. Ерунда, зато от удара голова просветлела. Вскочила на ноги и подбежала к окну. К изумлению своему увидела, что Лёлька уже не стоит на полу. Сестра висела в воздухе, удерживаемая на весу воздушным потоком. Сила ветра была просто неимоверной, это был уже настоящий ураган! Однако, бросив взгляд за окно, Алана удивилась ещё больше – ни одно дерево во дворе даже не покачнулось. Складывалось впечатление, что все ветра мира собрались именно возле окна их гостиной, и цель у этой коалиции была одна – заставить, в конце концов, эту несносную девчонку отступить.

Но не тут-то было! Лёлька вцепилась в раму мёртвой хваткой, коей, без сомнения, позавидовал бы любой уважающий себя бультерьер, и колыхалась на ветру, будто большая тряпичная кукла.

Алана подтащила к окну пуфик, забралась с него на подоконник и с силой навалилась на стекло. Подоконник был мокрый от налетевшего снега, ноги скользили и разъезжались в разные стороны. Потеряв равновесие, девочка ударилась лицом об угол рамы и тут же почувствовала во рту солёный привкус. Похоже, она разбила губу. Окно дрогнуло, но и только. Силёнок не хватало, её просто откидывало ветром.

– Да что же это! – в сердцах крикнула она. – Закрывайся, ну!

Окно не слушалось. Краем глаза она уловила движение слева – это Лёлька, не удержавшись на раме, всё-таки слетела вниз и теперь сидела на грязном полу, вытаращив глаза. Телевизор, о котором они совсем забыли, уже показывал другое кино – чёрные стены старинного замка на фоне багряного заката, а перед ним – тёмное, вязкое торфяное болото, в котором что-то хлюпало и бурлило. Взрывались и лопались пузыри, брызги разлетались, оставляя по ту сторону экрана грязные разводы.

– Иди шюда, Лёлька! – прошамкал голос из жижи. – У наш шдешь вешело!

Лёлька начала отползать задом к креслу. Притормозила и ойкнула, наткнувшись на него спиной.

– Иди к нам, Лёлька! – это был уже другой голос. Звонкий, мальчишечий, напоминающий голос их друга Никиты. От него руки у Аланы покрылись "гусиной кожей". – Иди к нам, поиграй с нами!

– Нет! – закричала Алана. В ушах застучало, а перед глазами заплясали чёрные "мушки". – Не трогай её! Уходи! Убирайся!

– Весело, весело! – хохотала "жижа" теперь голосом красноглазого чудовища. – Поиграем, Лёлька? Или ты боишься? Да ты трусиха, Лёлька?

Лёлька отчаянно замотала головой, пытаясь втиснуться в узкое пространство между креслом и журнальным столиком. Да что же здесь происходит? Неужели никто из соседей не слышал шума? Куда, в конце концов, подевались родители, и почему никто до сих пор не пришёл им на помощь? Алана чувствовала кровь, которая текла уже не только из губы, но и из носа, и поняла, что продолжаться долго это не сможет. Её голова готова была взорваться. Девочка сжалась в комок, закрыла уши руками и крепко зажмурила глаза.

"Ничего этого нет! Ничего нет! Ничего этого нет! – шептала она, в отчаянии. – Не настоящее лицо. Не настоящий голос. Это всё НЕ НАСТОЯЩЕЕ!"

Внезапно окно, которое она безуспешно пыталась закрыть всё это время, с треском захлопнулось само. Неведомая сила сбросила Алану с подоконника и швырнула прямо к ногам ошарашенной Лёльки. В глазах потемнело, и она начала проваливаться в пропасть.

******

Очнулась она оттого, что перепуганная Лёлька трясла её за плечи. Глаза у неё были красные, под носом размазана грязь вперемешку с соплями. Алана могла бы даже подумать, что её сестра ревела, если бы не знала, что такое невозможно.

– Алана, ты жива? – хрипло повторяла Лёлька.

– А? – Алана с трудом приходила в себя. Всё случившееся напоминало сон – нет, не сон, отвратительный кошмар. Бросив взгляд в сторону окна, она увидела, что чудовище исчезло, и снег перестал валить. Вышедшая из-за туч круглая луна безмолвно смотрела с тёмного неба, но это была самая обычная Луна, никому не желающая причинить зла. И ветер тоже стих.

И если бы не грязь на полу, она бы могла подумать, что всё это ей приснилось. А может, действительно, ничего не было? Конечно, не было! Она уснула в кресле, ей приснился кошмар, от страха она слетела вниз, а в это время неугомонной Лёльке зачем-то вздумалось забраться на подоконник, и сестра нечаянно свалила цветок…

– Взрыв! – завопила Лёлька, возвращая её к действительности. – Ты разве ничего не помнишь? Ка-а-а-к шандарахнет! Я уж думала, что это взорвался наш телевизор.

Телевизор стоял на месте, целый и невредимый. И в воздухе не было даже и намёка на запах дыма. Но Лёлькины слова были наилучшим доказательством того, что она не спит.

– А потом ты упала, и я уже ничего не думала. А он… он там, за окном, хохотал, как ненормальный, но после взрыва его будто ветром снесло!

Алана осторожно поднялась и подошла к окну. Двор был абсолютно пуст – никаких чудовищ, пришельцев с других планет. Даже следов на снегу не осталось. Тишина, полнейшая, мёртвая тишина.

Лёлька неслышно встала рядом. Одна коса у неё растрепалась – любая прическа на Лёлькиной голове, как правило, задерживалась ненадолго, руки и лицо перепачканы черноземом. Но это была её Лёлька, такая родная, пусть и не особо отличавшаяся чистоплотностью. Алана обняла сестру.

– Кто оно? – шёпотом спросила она. – Что это было? И что ему нужно здесь?

Лёлька не сразу ответила.

– У тебя кровь, – помолчав, сказала она, и грязной ручонкой попыталась вытереть сестре лицо, только при этом перепачкала его ещё больше. – Надо умыться, а то от родителей влетит.

Алана оглядела себя. Её розовая пижамная курточка тоже была в крови, кровь и на подоконнике, и на светлом ковре. Ужас, она даже не думала, что из носа может вытечь столько крови.

– По-моему, нам в любом случае влетит, – рассеянно сказала Алана. – Ты только посмотри, что здесь творится!

– Давай скажем, что это я уронила азалию, – с готовностью приняла на себя удар Лёлька. В определённые моменты ей было свойственно благородство.

– Врать нехорошо! – пыталась протестовать Алана, но Лёлька лишь одарила её красноречивым взглядом и покачала головой.

– Ну, тогда расскажи им правду, – бросила она через плечо, и скорчила рожицу кому-то за окном.

******

Повзрослевшая Алана часто пыталась вспомнить, что она тогда ответила сестре. И не могла. Начисто стёрлась из памяти и реакция родителей, вернувшихся из гостей и заставших погром в гостиной и её окровавленное лицо и одежду. Или всё-таки она успела умыться? В этом месте тоже был полный провал.

Но зато она навсегда запомнила, как они влезли на подоконник, окончательно перепачкавшись и размазав по нему всю грязь, и долго сидели там, обнявшись и разглядывая пустой двор – две крошечных девочки, два ребёнка, растерянных и напуганных. И стук Лёлькиного сердца, и её дыхание возле своего уха. И неведомо откуда вдруг взявшийся отчаянный страх потерять сестру.

Глава 2

Внешность порой бывает обманчива.

Так думала Алана, рассеянно глядя в окно. Мысль пришла в голову очень некстати. Некстати она отметила про себя, что её мысли постоянно приходят некстати. Что делать, это была такая их, мыслей, особенность.

Вообще-то она выглянула, чтобы посмотреть, как там погода на улице. Хотя никуда не собиралась. Сегодня же воскресенье, не нужно идти ни в универ, ни в агентство. Можно провести весь день, тупо глядя в телевизор. Можно наплевать на всё, и оторваться за игрой в "Весёлую ферму" или провисеть до полуночи в интернете. Ведь это был её день.

Её день рождения.

За пятнадцать лет она как-то уже привыкла к тому, что встречает свой день рождения одна. Человек ко всему привыкает со временем, не так ли?

Нет, поначалу, разумеется, люди пытались навязать ей в этот день своё общество. Бабушка там, Никиткины родители, отец …в те времена, когда ему ещё было до неё дело, или он хотел, чтобы все так думали. Ребёнок ведь не должен чувствовать себя одиноким, тем более, в такой день. Наверное, они были правы. Только получалось у них плохо. Как ни пытались внушить Алане, что день рождения – это праздник, веселее не становилось.

Потому что это был неправильный праздник. Вот уже пятнадцать лет это был самый неправильный праздник в её жизни. Самый печальный и самый нелюбимый день.

******

Алана смотрела из окна на девушку, усаживающуюся в новенькую серебристую "Шкоду". Девушка была, должно быть, немного её старше самой, невысокая, худенькая, без малейшего намёка на какие-либо "формы", с жиденьким хвостиком белёсых волос и в очках. Типичная "мышь", как сказала бы её приятельница по агентству Сонечка Лаптева. Но зато, какие парни крутились вокруг этой "мышки"! Сонечке, со всеми её формами и ногами "от ушей", такие и не снились. Не снились, впрочем, и самой Алане, хоть в этом, по убеждению вышеупомянутой Сонечки, была виновата только она сама.

– Господи, и где только таких дур делают? – вздыхала Сонечка, глядя, как Алана не моргнув глазом, отбривает очередной "кошелёк на ножках" (любимое выражение самой Сони). – Где, где? Да ты представь себе, хотя бы на минуту, сколько у него денег!

В ответ на гневные выпады подруги Алана неизменно пожимала плечами.

– Это же его деньги.

– Да, но он мог бы с тобой поделиться. Тебе приятно, а от него бы не убыло.

– От него-то да, – соглашалась Алана. – А от меня? Понимаешь, вознаграждение за щедрость далеко не всегда равноценно вложению. Боюсь, не продешевить бы.

Это был, конечно, сарказм. Алана очень хорошо изучила Сонечку и знала, что для душевного спокойствия их обеих лучше выглядеть в глазах подруги меркантильной сучкой, чем блаженной дурой. Но Сонечка сарказма не понимала, она начинала кривить хорошенькое личико и закатывать глаза:

– Ой, всё! Ищи себе прЫнца. Бог, как говорится, в помощь! Только учти, принцы – явление по нынешним временам редкое. А молодость – недостаток, который очень быстро проходит, как говорит наша Полина.

– Вообще-то Гёте сказал это гораздо раньше, – парировала Алана, и Сонечка, осознавая свою полнейшую в данном вопросе беспомощность, в конце концов, махнула на неё рукой. Всё-таки где-то в глубине души она считала Алану блаженной дурой и, надо признаться, не без оснований.

******

Вот соседка Ксюша, похоже, была с Сонечкой ягодой одного поля. Во всяком случае, отказываться от дорогих подарков кавалеров было не в её правилах. Открылось это сегодняшним утром, когда Алану и весь двор разбудил гудок автомобиля с примотанным к зеркалу красным бантом, из окна которого пухлый розовощекий воздыхатель радостно горланил: "С днем рожденья, любимая!". "Вот бы кастрюлю кипятка тебе выплеснуть на башку, скотина, да жаль не достану!", – услышала Алана недовольный голос соседки сверху и прыснула в кулак. Пухляш соседку, на её счастье, не замечал – он орал, гудел и размахивал букетом. Из подъезда выбежала Ксюша, следом за ней неслась её дородная маман в розовых тапочках с помпонами на босу ногу. Пухляш выкатился из дверцы автомобиля навстречу женщинам, и вот они уже все вместе принялись скакать вокруг подарка, разглядывая его и возбуждённо щебеча на три разных голоса. "Полнейший дурдом!" – проорала верхняя соседка, и со всей силы треснула балконной дверью, но на неё никто так и не обратил внимания.

Зато теперь Алана знала, что они с соседкой Ксюшей родились в один день. Полезное знание, конечно же (нет). Что ж, хоть у кого-то сегодня день рождения не будет похож на грустный праздник.

******

Алана отошла от окна. Машин в подарок сегодня она не ждала, а вот букет её таки настиг. Его принёс кудрявый тощий курьер в зеленой футболке с огромными расплывающимися подмышками пятнами пота. Пока Алана расписывалась в квитанции, парень смотрел на неё исподлобья, сопел, краснел, и вытирал ладонью лоб, как будто у него была высокая температура. От этого она чувствовала себя неловко и, закрыв, наконец, за курьером дверь, подумала, что будь её воля, она вообще запретила бы сильно потеющим людям работать в доставке. Или хотя бы ввела униформу – исключительно чёрного цвета.

Да, но букет-то был в её бзиках совершенно не виновен. Букет был огромен и до неприличия красив – красные благоухающие розы, выложенные узором в виде сердца посередине, белые по краям. Такой мог бы подарить в день рождения девушке её возлюбленный, находящийся вдалеке от дома. Вот только никакого возлюбленного у Аланы не было – была только открытка, торчащая из роз. Впрочем, она и без подписи знала, кого благодарить за сюрприз.

Телефонный звонок раздался почти сразу – курьер, наверное, и из подъезда-то выкатиться не успел.

– Привет, старушка! – услышала она бодрый голос на другом конце провода. – Как мой букет? Уже прибыл?

– Спасибо, дорогой, – Алана улыбнулась. – Он прекрасен. Доставлен в лучшем виде.

Никита Гордеев, старинный детский друг (настолько давний, что обладал исключительным правом называть её "старушкой" без ущерба для собственного здоровья) уже несколько лет жил в столице. Ничего удивительного в этом не было, Никитоса с детства считали вундеркиндом и пророчили ему большое будущее, вот только никто не ожидал, что всё произойдет настолько быстро. "Большое будущее" свалилось на её друга внезапно и практически в одночасье.

Никита закончил юридический, но идти в милицию по стопам отца не захотел – мечтал открыть собственное дело и заняться частной практикой. На собственное дело нужны были деньги, поэтому он временно устроился клерком в какую-то контору, где принялся благополучно прозябать, ожидая, пока Судьба повернётся

к нему лицом. И судьба не заставила себя долго ждать.

В один прекрасный день к нему обратился за помощью старый, ещё школьный, знакомый. Парень возомнил себя музыкантом, бренчал на гитаре, сочинял какие-то песенки, и даже сколотил группу таких же, как сам, идейных лоботрясов, чтобы было с кем играть и петь в местных забегаловках. В общем, жил себе, не тужил, и был доволен почти всем, ровно до той поры, пока однажды не дернула его нелегкая поучаствовать в конкурсе, объявленном каким-то типа популярным московским радио. Вот тут-то всё и завертелось.

Изначальная идея выглядела неплохо и даже заманчиво. Начинающим композиторам предлагалось прислать на радио свои песни в количестве не более трёх штук, а приглашенные десять экспертов (в роли которых выступали популярные эстрадные певцы и певицы) должны были выбрать из этой кучи любую, на своё усмотрение, и за свой счёт её записать. На этом, собственно, и всё. Главный приз не подразумевался, сие мероприятие анонсировалось, как беспрецедентная возможность для молодых авторов засветить среди широких масс своё творение, а в дальнейшем, быть может, и саму свою персону. То есть, у абсолютно каждой присланной песни появлялся шанс стать услышанной, а десять счастливчиков гарантированно получали по десять ротаций своих нетленок в радиоэфире, да ещё и в исполнении не кого-нибудь там, а самого Димы Билана, а возможно, даже Кристины Орбакайте. Назывался конкурс тоже соответственно – "Счастливая десятка", оригинальность названия, конечно, зашкаливала, но то уж извините.

"А, где наша не пропадала!.." – подумал знакомый, и отправил по заявленному адресу парочку собственно сочинённых песен, (одна из которых ему самому казалось знаковой и до последней запятой в алкогольно-философском тексте выстраданной, а вторая так, в довесок). Отправил и забыл, как советуют грамотные люди. Но почему-то вышло так, что забыл по-настоящему, и опомнился лишь несколько месяцев спустя, когда до боли знакомые мелодия и слова вдруг зазвучали, что называется, из каждого утюга. Какие там десять эфиров! Невозможно было зайти в супермаркет, или проехать в маршрутке, или просто пройтись вечером мимо раскрытых окон многоквартирного дома, чтобы не услышать эту песню, в исполнении артиста, чьё имя в стране не было знакомо разве что грудным младенцам и старикам в глубоком маразме.

От такого поворота сюжета наш герой вначале прибалдел, а затем, когда улегся первый шок, задумался. Десять бесплатных эфиров – это, конечно, неслыханная

роскошь для неизвестного автора, но уж раз песня вдруг стала такой популярной, то не полагалось ли по такому случаю этому автору немного больше, чем просто ничего? Знакомый позвонил на радио, и был сильно удивлен, когда любезный женский голос сообщил ему, что автором новоиспечённого хита "Наша ночь" является некто Г. Н. Будищев.

"Не знаю я никакого Будищева-Мудищева! Вы там совсем уже? Это МОЯ песня!" – чуть не заорал в трубку незадачливый композитор, но к счастью вовремя опомнился и попросил милую девушку подсказать ему координаты этого человека, например, его телефон. Девушка помялась и тем же приветливым тоном объявила, что телефона господина ГэБудищева у неё нет, и никогда не было, и где его искать, она тоже не знает. Что, собственно, и требовалось доказать.

Знакомый никогда не был семи пядей во лбу, но даже того, что имелось, ему вполне хватило, чтобы осознать неприятный факт – его просто-напросто кинули, как дурачка, а песню украли. Парень возмутился, и твёрдо намерился подать на этот гадюшник в суд. Вот только никак не мог определиться, кого же ему привлечь в качестве ответчика? То ли бесстыжее, обворовавшее его, радио, то ли самого этого чудака на букву "эм" Будищева? Да кто это вообще такой, и как к нему подобраться? Обратился за ответами к специалистам, но тут его вновь постигла неудача – местные юристы в шоу-бизнесе не шарили, с авторским правом не работали, и браться за дело категорически отказывались. Хоть садись, и поезжай в Москву, к тамошним крутым адвокатам, да где опять же взять на это денег? Тут-то память и подсунула ему Никиту Гордеева.

Никита оказался единственным, кто не побоялся вступить в неравную схватку с этими пиратами музыкального мира, тем более что терять ему всё равно было нечего. Он быстро навёл справки и узнал, что права на песню присвоила себе одна крупная звукозаписывающая компания под руководством влиятельного бизнесмена, человека, чьё имя в определённых кругах даже произнести вслух было небезопасно, не говоря уже о том, чтобы с ним судиться. Но даже это Никитоса не остановило. Не то, чтобы он слишком любил всякую попсу, просто, по его же собственному признанию, именно в тот момент в нём проснулся охотничий азарт.

Суд они всё-таки выиграли. Хоть знающие люди и шептали ему, что это невозможно, и что нужно быть совсем отмороженным, чтобы пойти против… т-с-с-с!.. Те же знающие люди потом с язвительной усмешкой говорили, что ни за

что этому выскочке без роду, без племени, не удалось бы провернуть такое дело, не приди ему на помощь другой влиятельный бизнесмен, бывший с первым бизнесменом в давнишних непреодолимых контрах. Может, оно и было так, а может, и нет. Завистники были, есть и будут всегда, Никита об этом знал, поэтому все досужие разговоры и сплетни на свой счет стойко игнорировал. В конце концов, справедливость ведь восторжествовала, а что ещё нужно? Суд не только вернул автору песни его права, но и присудил звукозаписывающую фирму выплатить пострадавшей стороне неустойку в размере трехсот тысяч рублей.

"Пострадавшая сторона" от радости едва не съехала с катушек. Ни в одном самом заоблачном сне бедолаге не могло бы присниться, что корявый стишок, написанный поутру с большого бодуна на обратной стороне конверта из-под каталога "Мир развлечений", и положенный на музыку, сочинённую тут же, на коленке, принесёт ему такой доход… Да-да, по иронии судьбы, хитом стала вовсе не та песня, которая была выстраданной, знаковой, и всё такое, а как раз наоборот. Жизнь порой преподносит нам сюрпризы оттуда, откуда не ждали. И, к слову, в ходе расследования выяснилось, что никакого Г.Н. Будищева на самом деле никогда не существовало, а история эта долго ещё перемывалась в московской музыкальной тусовке на разные лады, обрастая всё более и более невероятными подробностями.

С той поры дела у Никиты пошли в гору. Молодым дарованием заинтересовались, перетянули его в Москву и предложили место в ЛНА[3 - ЛНА – Лига Независимых Адвокатов. Организация, выдуманная автором и не имеющая ничего общего с существующими в действительности подобными организациями.], а это уже были совсем другие возможности. Гордеев-младший снял квартиру в спальном районе, начал потихоньку обрастать знакомствами, приобрёл чёрный внедорожник BMW, и в родной Краснокаменск наезжал теперь по праздникам.

******

– Он прекрасен… – повторил Никита и нарочито громко вздохнул: – Как жаль, что это ты не обо мне.

Прозвучало прямо, как песня. В голове даже заиграл полузабытый незамысловатый мотивчик: "Как жаль, что это ты не обо мне…". Или там были какие-то другие слова?..

– Слышишь меня? Ало, ало! Земля вызывает Алану!

– Что? – Алана вздрогнула, вырываясь из своих мыслей. Кажется, она опять что-то пропустила?

– Я говорю: с днём рождения тебя, старушка! С последним нормальным юбилеем в жизни.

– Спасибо, Никит! Я…

– Ты хотела спросить: почему с последним?

– Нет, я ничего такого не хотела. Я…

– Нет, хотела! И не спорь со мной, он прямо таки застрял между строк, этот огромный жирный вопросительный знак. Слушай, ну ты же понимаешь, что в следующий ближайший юбилей тебе уже стукнет двадцать пять. Целых двадцать пять лет! Ты знаешь, что это означает?

– Дай-ка подумаю, – Алана почесала правую бровь. – Сложно, конечно. С меня начнет сыпаться песок?

– Почти. Ну, в общем-то, люди в двадцать пять – это практически поголовно законченные инвалиды. Посмотри на меня! То бок колет, то башка трещит с похмелья, то кости ломит на погоду. А ещё – чуть не забыл – все знакомые бабушки при встрече хором вопрошают: "Ты рожать-то, когда собираешься? Часики-то тикают!"

Последнюю фразу Никита произнес противным фальцетом. Она всё-таки не выдержала и захихикала сквозь стон:

– О, нет! Только не это.

– Это, это, – заверил Никитос. – Они не оставят тебя в покое, можешь не сомневаться. Есть только один вариант избежать кошмара – родить до двадцати пяти.

– Я не могу, – ответила Алана. – Полину хватит удар.

– Плевать на Полину! Ты думай лучше, где будешь искать достойного кандидата на роль производителя. Рожать от кого попало – тоже, знаешь, так себе затея. Рожать надо от умного, красивого и здорового, да, желательно, ещё и богатого. Заметь, себя я не предлагаю, хотя-а…

– Никита! Прекрати!

В трубке раздался натужный булькающий звук. Вот в таком русле в последнее время и протекали почти все их разговоры. Ни о чём, хиханьки да хаханьки. Никита старался её рассмешить, иногда ему это удавалось. Иногда ей даже удавалось остроумно парировать в ответ. Но всё это было не то. Хорошо, конечно, что он просто есть в её жизни, но порой Алане казалось, что Никита по-прежнему видит её десятилетней девочкой, за которой отец поручил ему "присматривать".

– Ладно, ладно, – пробулькала трубка. – Не психуй. Я ведь просто пытаюсь вызвать положительные эмоции у царевны Несмеяны. А если кроме шуток, какие планы на сегодня? Только не говори мне, что опять плесневеешь в одиночестве и разрываешься между двумя лучшими кавалерами: телевизором и компьютером?

Алана молчала, наматывая на палец телефонный провод, и повторяла себе, что вообще-то Никита хороший человек и верный друг и, наверное, по-своему заботится о ней. Наверное.

– Чего молчишь, старушка? – спросила трубка. – Я всё-таки угадал?

– Ты очень догадливый и смекалистый, – грустно улыбнулась Алана.

– Продолжай. Я люблю, когда меня хвалят.

– А ещё ты трепло и бабник. Балаболка. Жуткий сноб. И пьяница. Э-э-э… Кажется, ничего не забыла?

– Так-так, – фыркнул Никитос. – Ну вот, наконец-то! Узнаю свою старушку бабАлану, подругу дней моих суровых. Эх-х, Аленький!.. Чуть не забыл: я же купил тебе подарок. Только вот не знаю, когда теперь смогу выбраться и закинуть. Столько работы навалилось, просто мрак и жуть.

На том конце провода надрывался мобильник. Никита был парень нарасхват.

– Работа? – поинтересовалась Алана.

– Она самая. Слушай, повиси, пожалуйста. У меня тут однозначно важный клиент.

Алана слышала, как её друг отвечает на звонок: "Да, зая. Конечно, зая. Что ты такое говоришь, зая? Как ты могла такое обо мне подумать?" Наконец, Никита вернулся.

– Какие у тебя нежные отношения с клиентами, – она всё-таки не смогла сдержать ехидства.

– Гы… Клиенты бывают разные, – уклончиво заметил Никитос. – А ты ревнуешь?

– Кто? Я? Да не дай бог! – Алана даже руками замахала, забыв о том, что он всё равно не мог её видеть. – Ты с ума сошел, мон шер[4 - Мой дорогой (франц.)]?

– Ну и зря, – ей показалось, что Никита даже обиделся, хотя с его манерой сложно было судить однозначно. – Ладно, говори, чего там у тебя.

– А с чего ты взял, что у меня что-то?

– Как будто я тебя не знаю. Слышу же, что ты чего-то хочешь и мнешься.

Алана помолчала. И в очередной раз подивилась его прозорливости. Вообще, не смотря на то, что Никитос часто производил впечатление человека легкомысленного и даже самовлюбленного, он был на редкость эмпатичен. Может, в том и заключался секрет его успеха? И не только среди противоположного пола.

– Да, вообще-то есть разговор, – Алана замялась. – Нетелефонный.

– Нетелефонный, – хмыкнул Никита. – То есть, даже не намекнешь?

Алана задумалась. Чего она боится? Она же не агент американской разведки и вряд ли телефон её прослушивается. Однако страх – липкий, противный, душный, словно сковал язык. Как будто если о том, что она задумала, узнает кто-то ещё, кроме неё самой, то узнает и он.

Тот, кого она привыкла бояться в течение всей своей сознательной жизни и против кого впервые решила всерьез восстать.

– Н-нет. Прости, не могу. Только при личной встрече.

– Заинтриговала прямо. Ладно, тогда жди. Попробую вырваться на следующей неделе. Но если вдруг надумаешь – набери меня.

– Приезжай.

"Если Зая отпустит", – захотелось съязвить напоследок, но она не стала этого делать. Алана вдруг представила себе, как он сидит столешнице ("Сколько можно мостить свой зад на стол, Никита! Ведь есть же стулья!" – десять раз на дню повторяла тётя Валя, но так и не смогла отучить сына от дурной привычки), стучит по полу босой ногой и, зажав плечом трубку домашнего телефона, свободной рукой набирает в мобильнике смс. Старый добрый Никитос, лохматый и небритый, в любимой футболке с надписью: "Не важно, кто прав, важно – кто Лев". И вдруг поняла, что сейчас расплачется.

– Я буду ждать, – сказала Алана и отключилась.

******

Звонок друга детства вновь вернул её мыслями в прошлое. Туда, где в один из прохладных апрельских дней накануне их с сестрой дня рождения, стоя под деревянной горкой среди луж и остатков черного снега, он заботливо оттирал с Лёлькиной курточки совершенно случайно налипший на рукав гудрон. Совершенно случайно второй раз и на вторую за день куртку, так уж получилось.

Алана стояла рядом и хмурилась, предчувствуя нагоняй от мамы, и оттого, что нагоняй явно будет предназначен не ей, а Лёльке, легче не становилось.

– Тили-тили-тесто, жених и невеста! – противным голосом проверещал второклассник Славка Палкин, свесившись с балкона своей квартиры на третьем этаже. – Тили-тили-тесто! Лёлька – невеста, Никитос – жених!

Лёлька покраснела от злости и погрозила Славке кулаком:

– Палка-мочалка несчастная! Больно смелый, из дома орать? Спускайся вниз, трусливая жопа, я покажу тебе, кто тут "невеста"!

Алана зажала рот руками.

– Лёлька, ты что! Мама услышит!

Лёлька надулась, но ничего не ответила. О, это ужасное, но такое меткое слово на букву "ж"! Сколько раз сестра получала за него от мамы по губам, и всё тщетно. Вытравить его из Лёльки было так же невозможно, как заставить Никиту перестать садиться на стол вместо стула.

Кстати, о Никите. В отличие от Лёльки, на палкинский выпад он отреагировал… никак. Спокойно покончил с гудроном, а грязный платок свернул и сунул Лёльке в карман.

– Дома постираешь, – сказал он, и легонько щёлкнул её по носу. Затем повернул голову и долго смотрел на зловредного Палкина взглядом боцмана, наблюдающего за тем, как салага-матрос драит палубу верёвочной шваброй. – А насчет всяких придурков и провокаторов повторяю в сотый раз: не поддавайся. Учись держать удар, малявка!

– Я не малявка! – огрызнулась Лёлька. – И я умею держать удар!

– Я не про тот удар, – сказал Никита как-то загадочно, но пояснять ничего не стал. Взял Лёльку за руку и не торопясь, будто специально для всеобщего обозрения, повёл её через двор к киоску с мороженым. Алана семенила следом, прекрасно осознавая, что такой почести от Никитоса сама она не удостоится

никогда, даже если вымажется гудроном с головы до пят.

******

С тех пор прошло, без малого, пятнадцать лет. Интересно, помнил ли Никита тот случай? В отличие от неё самой, друг не очень-то любил вспоминать детство. Нынче жизнь была гораздо веселее, а отношения с противоположным полом отличались, по его же собственному выражению, шикарным разнообразием. О каких-то из этих отношений Алана знала, но чаще – даже не догадывалась. Да и не очень-то хотела вникать.

– Ты сам-то их не путаешь? – спросила она Никиту во время одной из становящихся всё более редкими в последние годы встреч. – Не бывало, например, что забылся, назвал девушку не тем именем?

Никитос покосился на неё с сомнением.

– Ты за кого меня принимаешь? – ответил он даже слегка обиженно. – За идиота? Забыть имя девушки, а тем более, перепутать – это же означает обеспечить себе смертельного врага в её лице. А мне враги не нужны, знаешь ли, для того, чтобы испортить жизнь, и друзей вполне достаточно. Но на самый крайний случай – если вдруг внезапно накроет ранний склероз – есть ведь всякие "Зайчики", "Котики". "Малышки" там. Отличная находка, и девушке приятно, и для меня безопасно. Главное, не переборщить, потому что слишком частое употребление диминутивов тоже может вызвать подозрение.

Алана закатила глаза и покачала головой. Ох, уж этот Никита!

"Он такой умный, что иногда мне хочется ему врезать, – однажды сказала ей Лёлька. – А тебе нет?"

Алана пожала плечами. Врезать Никите ей не хотелось. Она вполне могла ответить ему и на его языке, просто большей частью робела и терялась.

– Всё равно ты когда-нибудь женишься, – мстительно сказала Алана, пытаясь прогнать не ко времени нахлынувшие воспоминания. Никита обернулся и посмотрел столь красноречиво, что какую-то секунду она не сомневалась, что он

прочёл её мысли. И тут же, будто испугавшись нарушить самому себе данное слово – о прошлом не говорить, прошлое не вспоминать – друг картинно схватился за голову:

– Я? С ума сойти! Да не иначе, вы все хотите моей скорейшей кончины? Как представлю себе, что прихожу домой, а там меня встречает толстая тётка в бигудях и протёртом на заду халате…

– Во-первых, не в "бигудях", а в "бигуди", – поправила Алана, с удовольствием воспользовавшись такой возможностью. – А во-вторых, почему сразу – "тётка"?

– Дядька? – Никита изумлённо выпучил глаза. – Ну, ты уж совсем, старушка, даёшь.

– Дурак! – Алана со всей силы пихнула его в плечо. Никитос захохотал.

******

…Примерно полгода назад Славка Палкин неожиданно сам стал отцом двух чудесных толстощёких близняшек. Он по-прежнему жил в своей старой квартире в доме напротив родительского, и навещая Павлика, Алана иногда видела его, гуляющего с женой и коляской. Бывший задира и хулиган, а ныне – образцовый муж и отец, теперь приветливо улыбался и кивал ей при встрече. Жизнь меняет людей, это правда. Они все выросли и изменились.

Кроме Лёльки.

Глава 3

Алана поставила телефон на комод, на салфетку, связанную бабушкой из использованных целлофановых пакетов. Стационарные телефоны постепенно отходили в прошлое, на место им пришли мобильники, которые были гораздо удобнее тем, что их везде можно было носить с собой, но она не торопилась избавляться от своего старого красного пузана с крутящимся диском. Он напоминал ей о детстве, о бабушке, которая очень была к нему привязана, даже

салфетку специально вон связала, и Алана категорически отказывалась сменить этот агрегат хотя бы на кнопочный с памятью и автоответчиком.

Она рассеянно провела пальцем по отверстиям на диске и вновь мысленно вернулась в далёкий 1995 год. В то самое место, где две маленькие девочки стояли в траве на краю оврага, и одна из них, в красном плащике, с непослушными чёрными кудряшками, тянула сестру за рукав.

******

– Да вон же он! Вон! – от нетерпения Лёлька подпрыгивала на месте. Алане не сразу удалось разглядеть "волшебный цветок", по внешнему виду, к слову сказать, больше напоминавший обычную зачуханную саранку. Но это ещё было полбеды.

Вторая (и основная) половина заключалась в том, что этому цветку приспичило вырасти не где-нибудь, а по другую сторону оврага – не слишком широкого, но достаточно глубокого для того, чтобы, сорвавшись вниз, переломать себе руки-ноги, если не хуже. Алана моментально сообразила, что задумала её сестрица, и внутренне похолодела.

– Лёлька, нет! – еле выговорила она внезапно осипшим голосом. Но было поздно.

******

С той самой ночи, когда они с Лёлькой впервые увидели незнакомца в чёрном, прошло несколько месяцев. За это время существо появлялось ещё несколько раз. То оно внезапно выныривало из-за угла галантерейного магазинчика, то наблюдало за ними из-за жёлтого забора детского сада. В середине марта они отправились с мамой к её знакомой тёте Свете, и чёрный человек шёл за ними по другой стороне улицы. Точнее, не шёл, а плыл

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вечный двигатель (лат.)

2

Oriflame Cosmetics S.A. – косметическая компания, производящая средства по уходу за кожей лица, средства личной гигиены, парфюмерию и декоративную косметику из натуральных растительных ингредиентов.

3

ЛНА – Лига Независимых Адвокатов. Организация, выдуманная автором и не имеющая ничего общего с существующими в действительности подобными организациями.

4

Мой дорогой (франц.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/alova_marta/lel-ka-i-koldun

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить